

Слепушкин Юрий

Ю Ж Н Ы Й
К Р Е С Т

16+

Юрий Слепухин

Южный крест

«ЛитРес: Самиздат»

1977

Слепухин Ю.

Южный крест / Ю. Слепухин — «ЛитРес: Самиздат», 1977

ISBN 978-5-532-95656-8

Ленинградский студент Михаил Полуниин уходит добровольцем на фронт в 1941, попадает в плен и после побега и участия во французском Сопротивлении оказывается в послевоенной Аргентине. Наряду с картинами жизни в Южной Америке, особое место занимает описание судеб, мыслей и чувств русских эмигрантов, по разным причинам оказавшихся вне Отечества. И, как всегда у автора, одни из лучших страниц романа посвящены любви между мужчиной и женщиной. Роман во многом автобиографичен. Особую остроту придает сюжету история розысков и поимки немецкого военного преступника Полуниным и его друзьями по «маки» — французом и итальянцем. Жизнь Михаила в Южной Америке складывается благополучно, но с каждым годом он все болезненнее ощущает, что человеку нет места на земле, кроме того, где он родился.

ISBN 978-5-532-95656-8

© Слепухин Ю., 1977
© ЛитРес: Самиздат, 1977

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	36
Глава четвертая	49
Глава пятая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юрий Слепухин

Южный крест

*Памяти Валентины Ивановны
Беденко-Слепухиной – матери,
друга и незаменимого помощника*

Часть первая

Глава первая

Время не гасило воспоминаний. Оно уплотняло их, сжимая в цепочку образов, и каждый такой образ постепенно разрастался, вбирал в себя все сопутствующее, становился символом.

Так образом-символом Ленинграда стала картина белой ночи. Не какой-то одной, определенной, – ночей вообще, многих, слившихся в его памяти в одну: безлюдная набережная, широкие воды за низким гранитом парапета и мостовой пролет, исполинским крылом взнесенный в пустое, прозрачное, обесцвеченное близким рассветом небо.

В июне того года ему пришлось много работать – уже началась сессия, а еще нужно было дописать курсовую, оставались хвосты по зачетам, лабораторные отработки; он возвращался поздно и дома еще просиживал до часу, до двух. Дни так и мелькали, пронеслась неделя, другая, третья, и – жизнь со всего разгону вылетела в иное измерение. Двадцать третьего, вернувшись из военкомата, чтобы собрать вещи, он с недоумением окинул взглядом заваленный книгами стол – странно, еще сутки назад все это представлялось таким важным...

А что было затем? Запахи казармы, ритмичный топот сотен сапог на асфальтированном дворе, «на первый-второй ра-а-ас-читайсь!», соломенные чучела и деревянная винтовка с отточенным стальным прутом вместо штыка; потом затемненные перроны Витебского вокзала, лягз буфетов и тоскливые крики маневровых паровозов, синие фонари, неумолчный грохот колес под полом, зарева по ночам. Он завидовал ополченцам – их бросили под Лугу, а Юго-Западный фронт оказался так далеко от Ленинграда; под Белой Церковью были еще леса, роскошные лиственные дубравы, а потом степи, уже в начале августа, и именно эта украинская степь стала для него образом-символом войны – давящий зной, неубранная пшеница в выгоревших пепельно-черных проплешинах, свирепое солнце сквозь тучи пыли над бесконечными дорогами. Он долго не видел вблизи ни одного немца, только издали – сквозь прорезь прицела над подсыхающим на бруствере черноземом, – зеленоватые фигурки бежали рядом с танками, а танки казались неподвижными, серые угловатые формы медленно выростали из дымной мглы, и эта кажущаяся медлительность их движения странно не согласовывалась с торопливым бегом взблескивающих на солнце гусениц...

Первого немца рядом с собой он увидел позже, уже в лагере. Увидел – и не удивился, приняв это за продолжение бреда. Сознание возвращалось медленно, он потерял много крови, и смысл случившегося дошел до него не сразу, а как бы амортизированным. Другим амортизатором была на первое время твердая уверенность, что он все равно скоро умрет – и более крепкие гибли сотнями и тысячами; с его осколочным ранением в грудь шанс выжить в тех условиях практически равнялся нулю. Эта мысль примиряла с окружающим, была лишь горечь, мальчишеская обида на судьбу – все могло кончиться там же, в окопе, среди своих, стоило лишь проклятому осколку пройти чуть глубже, рванув своим бритвенно-зазубренным краем какую-нибудь аорту или что там еще находится в этом месте...

Но он выжил. Через полгода ему уже стыдно было вспомнить, что не так давно ждал смерти как избавления. Если и было что-то, чего он мог стыдиться, то это не сам факт плена – в этом не было его вины; вина была в том недолгом периоде малодушия, когда ему хотелось умереть, сдаться еще раз – теперь уже добровольно.

К счастью, это прошло скоро. Те, кого каждое утро выволакивали из барака и пленницей громоздили поодаль, в снегу, – они были уже бессильны, им было уже не рассчитаться во веки веков. Счет вели живые. И этот страшный счет рос с каждым днем, с каждой поверкой на «апель-плаце», где выюга шатала шеренги живых скелетов в обрывках летнего обмундирова-

ния. Наверное, они только потому и оставались живыми, что кому-то ведь нужно было видеть, запоминать; кто-то должен был рано или поздно рассчитаться – сполна и за все...

И он тоже смотрел, запоминал, ждал своего часа. Шли месяцы, закончился сорок второй год, после силезских копей было какое-то подземное строительство в Мекленбурге, удушливый от постоянной утечки газов цех гигантского химического комбината «Буна», бараки, бараки, нескончаемые километры колючей проволоки, пулеметные вышки, лай овчарок... Вести о ходе войны доходили с опозданием, но все же доходили; пленные знали о Севастополе, о Сталинграде, о Курске. После Курска немцы особенно свирепствовали – вероятно, это была их последняя ставка, она оказалась битой.

Двумя месяцами позже он на очередной селекции попал в новую «арбайтскоманду», которую той же ночью загнали в эшелон. Ехали долго, – судя по солнцу, а также по названиям некоторых станций, которые иногда удавалось разглядеть через щель в стенке вагона, их везли дальше на запад. Эшелон подолгу простаивал на запасных путях, выли сирены, остервенело били зенитки, и, сотрясая землю, слитными волнами раскатывался обвальный грохот фугасок; по ночам щели светились красным – будто горела вся Германия, окровавив небо Европы исполинскими заревами своих пожарниц.

На шестой день пути эшелон пересек какую-то большую реку, вероятно это был Рейн. А потом опять пошли угрюмые шахтерские края – дождливая равнина, терриконы под серым небом, медленно вращающиеся на вышках колеса подъемников. Названия станций были уже не немецкими, пленным привезли то ли в Бельгию, то ли в Северную Францию. Но кончились и терриконы, вокруг стало позеленее. На глухом полустанке, когда наконец стали выгонять из вагонов, кто-то успел перекинуться словом с оказавшимся рядом железнодорожником из местных – тот сказал: «Франс, Норманди...»

Нормандия, ставшая для него землей свободы и мщенья! Это случилось в ноябре – из лагеря их на грузовиках возили ремонтировать железнодорожное полотно, засыпать воронки, менять порванные бомбами рельсы; в один из вечеров, на обратном пути в лагерь, колонну обстреляли с двух сторон, из-за зеленых изгородей. Все произошло так быстро, что охрана даже не успела открыть ответный огонь. Он стоял в кузове у заднего борта, рядом с солдатом; все попадали друг на друга, когда машину занесло и развернуло поперек дороги от резкого торможения, и он так и не узнал, сам ли задушил этого немца, или его добились другие, но автомат оказался у него в руках – он прыгнул с высокого борта и, в упор полоснув очередь по кабине заднего «бюссинга», бросился напролом через колючий, мокрый от дождя кустарник...

Дино Фалаччи оборвал художественный свист, которым безуспешно пытался привлечь внимание сеньориты, скучавшей за соседним столиком, и вопросительно глянул на Полунина.

– Чего это ты вздыхаешь?

– Не всем же быть свистунами...

– Ты прав, для этого нужно призвание. Но все-таки – что случилось?

– Да ничего не случилось, – Полунин пожал плечами и допил пиво. – Просто предчувствия одолевают. Знаешь, какой я сегодня сон видел? Будто вы с Филиппом набили мне морду и возвращаетесь в Европу.

– Э, ерунда, – подумав, сказал Дино. – Бабка моя уверяла, что сны нужно понимать наоборот, а уж она-то в этих делах разбиралась. Она была ведьма, Микеле, я тебе не рассказывал? Ведьма, клянусь спасением души. И какая! Впрочем, в Лигурии что ни женщина, то ведьма. – Синьор Фалаччи поплевал через плечо и потыкал вокруг себя рогами из пальцев, отгоняя нечистую силу. – Инквизиции в наших краях не было, соображаешь? Попробуй сегодня найти ведьму в той же Испании...

– Не было разве? – рассеянно спросил Полунин.

– Ну, была формально, но рвения особого не проявляла. А за что мы тебе били морду?

– Да все за то же, – сказал Полунин. – За всю эту затею.

– Брось, опять ты принимаешься каркать. Лично я убежден, что мы разыщем сукиного сына. Главное было установить, что он здесь, согласен? Прекрасно! Это установлено. Разумеется, снимок в газете мог ввести в заблуждение, поди там разгляди, кто есть кто, но когда тебе удалось раздобыть негатив – сомнений больше не осталось, верно?

– Не ори. Ты когда-нибудь научишься держать язык за зубами?

– Э, да кто здесь понимает по-французски, – возразил Дино, но голос понизил почти до шепота. – Так вот, я хочу сказать – этот тип здесь, и вряд ли он будет так уж рваться обратно в Европу...

Полунин усмехнулся.

– А ты представляешь себе размеры этого «здесь»? Южная Америка, старина, это семнадцать миллионов квадратных километров. И сто с чем-то миллионов населения.

– Найдем, – уверенно сказал Дино.

– Ну да, ты же у нас всегда ходил в оптимистах...

Ветер гнал по тротуару листья платанов, они сухо шуршали под ногами, стайками взвизгивались за пролетающими машинами. Намело и сюда, на открытую террасу кафе. Осень, подумал Полунин, настоящая уже осень, как у нас в начале сентября. А ведь по календарю – апрель. Странно, но к этой путанице времен года привыкнуть труднее всего. Постепенно привыкаешь к чужим звездам, к чужим городам, к чужой речи вокруг, – а вот к жаре на Новый год привыкнуть трудно. Или к тому, что листья облетают в апреле.

Щурясь, он посмотрел вдоль залитой ослепительным осенним солнцем авениды и надел защитные очки, словно отгораживаясь от опостылевшей экзотики. Настроение сегодня поганое, и неизвестно даже почему. Так, по совокупности. Воспоминания следует держать под замком, сколько раз себе говорил. А тут еще утром – не успел выйти из отеля – встретила женщина, издали похожая на Дуняшу. Волосы, походка – Полунин решил даже, вопреки здравому смыслу, что Евдокия вдруг действительно взяла и прикатила. Глупости, конечно, что ей делать в Монтевидео? А уверенности в обратном все равно не было, пока он не оказался ближе и не убедился в ошибке; за эти несколько секунд чего только не передумалось! Нелепо ведь все до предела – глупо, неустроенно, и с этим призрачным «треугольником» тоже одна нервотрепка. Особенно для нее, можно себе представить.

Поди вообще разберись, действительно ли это треугольник. А если прямая между двумя точками? Дуняша однажды сказала: «Знаешь, у католиков есть учение о мистическом браке – ну, они имеют в виду церковь и Христа, – так вот, конечно *c'est un sacrilege*¹, я понимаю, но – бог меня прости – этот мой Ладушка, в сущности, тоже вполне мистический супруг, хотела бы я в конце концов знать, где его черти носят...»

Хорошо бы вызвать ее сюда. Хотя бы на день-другой. Увидев ту женщину, он понял, до чего стосковался по Дуняше. По ее голосу, болтовне, по ее забавному русско-французскому жаргону. По ее телу. Зайти на ближайший телеграф и написать на бланке – «приезжай, люблю». А по-испански будет совсем хорошо, у них ведь «любить» и «хотеть» – синонимы. Смелый, не боящийся прямоты язык. «Хочу тебя, приезжай»... И утром он мог бы встречать ее в речном порту. Сюда ведь из Буэнос-Айреса всего одна ночь пути – все равно что из Москвы в Питер. Размечтался, дурак...

– Когда он обещал прийти? – спросил Полунин; глянув на часы.

– В десять, мамма миа! А уже без четверти одиннадцать. Таковы французы. Помнишь ту историю с конвоем? Леблан должен был быть со своим отрядом ровно в два пополуночи – ждали этих рогоносцев чуть ли не до рассвета. Хорошо еще, не сорвалась вся операция.

– Немцы тогда тоже опоздали.

---

¹ Это кощунство (фр.).

– Только это нас и спасло! Нет, я тебе говорю – иметь дело с французом...

Дино допил свое пиво и, свистнув официанту, жестом попросил повторить.

– Ладно, – сказал Полунин, – вы в этом смысле тоже хороши.

– Мы! – Фалаччи даже привскочил от возмущения. – Римляне еще в древности были самым организованным народом, – мы дали миру администрацию, право...

– Знаешь, это было так давно, – Полунин зевнул.

– О, да! Твои предки, Микеле, и предки мсье Филиппа еще бегали по своим лесам в волчьих шкурах. Ха-ха!

– Осторожно с историей, римлянин. А то ведь можно вспомнить кое-что и поближе, тебе не кажется?

– Вот тут ты меня поимел, – согласился Дино.

Официант принес две запотевшие бутылки и разлил пиво, заменив картонные кружки-подставки новыми. Дино с наслаждением отхлебнул из своего стакана, облизал с губ пену.

– Единственное, что меня примиряет с этим чертовым Уругваем, – сказал он, – это пиво.

Пиво здесь хорошее.

– В Буэнос-Айресе лучше, – заметил Полунин. – «Кильмес-Кристалль», например.

– А помнишь сидр в Нормандии?

– Не говори. У меня после него всегда голова трещала.

– Э, вот и наш Филипп, – сказал Дино, оглянувшись. – Да еще с женщиной, мамма миа, это уже что-то новое...

Полунин тоже оглянулся.

– По-моему, с ним какой-то парень?

– Иди ты! Такой же парень, как я – римский папа. Не спорь, итальянец распознает женщину на любом расстоянии, у нас глаз наметан... Ну, что я тебе говорил?

– Ты прав. Издали я принял ее за мальчишку.

– Да все они теперь такие, чего ты хочешь, – заметил Дино, не сводя глаз с приближающейся пары. – Кстати, не местная, держу пари...

Девушка, которая шла рядом с Филиппом, оживленно говорила что-то, размахивая пляжной сумкой. Коротко стриженная рыжеватая блондинка в очках без оправы, она показалась Полунину похожей на типичную студентку из Штатов, каких он много видел в Буэнос-Айресе. Пара поднялась по ступенькам террасы и подошла к столику.

– Салют, дети мои, – сказал Филипп. – Извините за опоздание и позвольте представить вам нового сотрудника экспедиции – мадемуазель Астрид ван Стеенховен...

Фалаччи и Полунин молча посмотрели на блондинку, потом на Филиппа. Дино опомнился первым и, вскочив, придвинул для девушки кресло.

– Несколько неожиданно, но тем более приятно, – пробормотал он и показал в широкой улыбке свои ослепительные зубы.

– Знакомьтесь, – продолжал Филипп. – Дино Фалаччи, научный руководитель. Мишель Полунин, технический эксперт.

– Очень рада, – девушка тоже улыбнулась, протягивая руку, – очень рада... Но я не знаю... мсье Маду, вы меня уже представили вашим друзьям как коллегу, а ведь мы еще ничего не решили...

– В принципе решили, – возразил Филипп, – детали обсудим позже. Мадемуазель любезно согласилась выполнять у нас обязанности переводчицы, – пояснил он, выразительно глянув на каждого из приятелей.

– Да, но... – Дино посмотрел на него с еще большим недоумением. – Мишель ведь владеет испанским?

– Заткнись и слушай. Не обращайтесь внимания, мадемуазель, мы с доктором Фалаччи старые друзья. Так вот – дело в том, что мадемуазель владеет немецким.

– А, – сказал Полуниин. – Ясно. И в каком объеме вы им владеете?
– В самом полном. Гимназию я кончала в Федеративной Республике.
– Ваше имя, простите? – спросил Дино.
– Астрид, – ответила девушка.
– Шведское, – кивнул тот. – Хотя фамилия – голландская. А вы сами?
– Бельгийка, – улыбнулась Астрид. – Точнее, бывшая.
– С расспросами потом, – вмешался Филипп. – У мадемуазель сейчас мало времени, я только привел ее познакомиться. Что вы пьете, Астрид?

– Пожалуй, я тоже выпью пива. Но мне все-таки до сих пор не совсем понятны задачи вашей экспедиции. – Девушка, непринужденно усевшись в плетеном кресле, обвела взглядом всех троих. – Мсье Маду толком ничего не объяснил...

– Видите ли, – сказал Филипп, соединяя концы растопыренных пальцев. – Мсье Маду, или ваш покорный слуга, является, так сказать, административным главой экспедиции, не более. Мсье Полуниин ведает технической стороной дела – аппаратурой звукозаписи и тому подобным. А вот наш научный руководитель, как этнограф, сумеет изложить все это гораздо понятнее...

Дино бросил на него свирепый взгляд и, повернувшись к Астрид вместе со своим креслом, заулыбался еще обольстительнее.

– Ну, в двух словах это... как бы вам сказать... экспедиция по изучению особенностей быта и... м-м-м... культуры, я бы добавил... некоторых малоизученных до сих пор индейских племен бассейна Ла-Платы. Племен, нужно иметь это в виду, почти вымерших и... по существу, реликтовых – если позволительно применить в данном случае такое определение.

– По-моему, не очень, – сказала Астрид.

– Что «не очень»? – несколько опешив, спросил Дино.

– Не очень позволительно применять к племени слово «реликтовое», – пояснила Астрид. – Мне так кажется.

– Вообще-то вы правы, – согласился научный руководитель. Подумав немного, он осторожно спросил: – Вы что изучали, кроме языков?

– Я занимаюсь антропологией, в Брюссельском университете.

Дино долго молчал. Потом он полез в карман за платком, промокнул виски и, глянув искоса на Филиппа, издал ненатуральный смешок.

– Хе-хе, да вы для нас просто находка, – сказал он. – Переводчик с дипломом антрополога... Можно поздравить мсье Маду, я прямо готов задушить его в объятиях...

– Да нет, какой у меня диплом, – Астрид пожала плечами. – Я ушла со второго курса, так что это оказалось просто потерянное время. А какие именно племена вы собираетесь изучать? Я даже не знала, что в бассейне Параны сохранились индейцы...

– Вообще-то практически не сохранились, – поспешил согласиться Дино. – В массе они, можно считать, вымерли. Но кое-кто остался, о да! Немного, правда, но зато... очень колоритные. Ну, скажем... аймары. Или гуарани!

– Аймары и гуарани? Любопытно, – Астрид улыбнулась. – Так вы, значит, намерены бродить по сельве?

– Д-да, отчасти. Но не только! В конце концов, многие индейцы уже ведут более цивилизованный образ жизни – работают на плантациях мате², живут в поселках... сохраняя, впрочем, некоторые черты племенного быта. Ну, и в сельве тоже.

– Очень любопытно, – повторила Астрид. – Я только не совсем понимаю, зачем вам в такой случае мое знание немецкого?

– А-а... они часто не понимают другого языка...

---

² Mate – парагвайский чай (исп.).

– Кто – индейцы?!

– Ну да, если живут и работают на немецких плантациях, – пояснил Дино непринужденно.

– Подумать только. Германоязычные индейцы, надо же! И что, они охотно позволяют себя фотографировать, записывать?

– Да как когда, знаете ли. Иной раз приходится применять специальное оборудование.

– Телеобъективы? Это я понимаю. Со звукозаписью, наверное, сложнее?

– О, это вам куда лучше объяснит Мишель, – с видимым облегчением объявил Дино. – Он у нас большой мастер по всяким таким штукам...

– Ну что тут объяснять, – нехотя сказал Полуниин, когда Астрид повернулась к нему с вопросительным выражением. – Дело в повышенной чувствительности воспринимающих устройств... если вы понимаете, что это такое. Есть, например, такой микрофон – узконаправленного действия, как мы его называем. Вы нацеливаете эту штуку... ну вот хотя бы на то окно напротив – видите, открытое окно на четвертом этаже? – и пишете на пленку все, о чем говорят люди в той комнате. Даже если они беседуют вполголоса.

– Невероятно, – сказала Астрид. – А посторонние звуки не мешают разве? Улица-то довольно шумная.

– Нет, все паразитные шумы потом отфильтровываются.

– Да-а... Воображаю, во что обошлось снаряжение экспедиции. Вы сказали, – Астрид обернулась к Филиппу, – вас финансирует какая-то газета?

– «Эко де Прованс». Знаете, сейчас это модно – поднимает тираж, так что в конечном итоге затраты окупаются.

– Еще бы! Шутка сказать – собственная экспедиция в джунглях южноамериканской сельвы. А кайманов вы не боитесь? Вообще там полно всякой нечисти, мне говорили. Эти ужасные рыбки, которые накидываются стаями, и змеи, и вампиры... а одни пауки чего стоят! – Астрид поежилась. – С детства боюсь пауков, наверное предчувствие: мне суждено помереть от укуса какого-нибудь птицееда. И именно в Парагвае! Что ж, это хоть романтично. В самом деле поехать, что ли?

– От паука-птицееда не помирают, – заметил Полуниин.

– Здрасьте! – воскликнула Астрид. – Да я сама читала!

– Вранье, значит, читали.

– Ну, не знаю... Вы говорите с такой уверенностью, будто испытали на себе. Можно подумать, птицеед вас кусал!

– Кусал, – лаконично подтвердил Полуниин.

– Ничего себе! – Астрид по-мальчишески присвистнула. – И как?

– Жив, как видите.

– Ну, не знаю, – повторила она, глядя на него с сомнением. – И куда он вас укусил? А, ну ясно – в руку, это что. Вот если бы в голову...

– Если вы решитесь ехать, мадемуазель, от пауков мы вас будем оберегать, – торжественно заверил Филипп.

– Да, вероятно, я поеду, – кивнула Астрид. – Делать мне сейчас все равно нечего, так что...

Она посмотрела на часы и встала.

– Позвоните мне в отель завтра утром, мсье Маду, – сказала она. – Запишите телефон: восемь, пятьдесят семь, шестьдесят два. Это «Монсеррат», на Рио Бранко. Позвоните или зайдите сами, до двенадцати я никуда не выхожу... – Все трое проводили ее взглядами, пока она сбегала по ступенькам террасы. На тротуаре, прежде чем затеряться в толпе, Астрид обернулась и помахала поднятой рукой, – издали, в своих вылинявших синих джинсах и рубашке цвета хаки, она действительно была похожа на мальчишку-подростка.

– Это называется женщина, – вздохнул Дино, кривясь, точно разжевал лимон. – Откуда и на кой черт ты ее выкопал, этого антрополога? Тебя что, солнечный удар хватил?

– Она нам пригодится.

– Ну, если только знанием немецкого, – с сомнением сказал Полунин.

– Не только. Я вам потом расскажу о ней, это довольно своеобразная штучка. Но сейчас меня в первую очередь интересует то, что она связана с политическими эмигрантами из Аргентины...

– Вот что, – прервал негромко Полунин. – Я все-таки предлагаю не обсуждать это во всеуслышание. Здесь гораздо больше народу знает французский, чем вы думаете. Пошли ко мне в гостиницу, там и поговорим...

Своего приятеля Лагартиху Астрид нашла на Плайя-Капурро в обычное время и на обычном месте. Пляж был безлюден – купальный сезон кончился, в апреле здесь уже почти никто не купается, – и на пустынном берегу особенно патетически выглядела тощая долговязая фигура со скрещенными на груди руками, стоящая лицом к воде. Кроме патетики фигура излучала еще и меланхолию – Астрид ощутила это издалека.

– Очнитесь, сеньор изгнанник, – окликнула она вкрадчиво, подойдя к Лагартихе сзади. – Впрочем, вы неплохо смотрите, прямо хоть пиши с вас эпическое полотно. Этакий «Сан Мартэн в Булони»!

Лагартиха, не оборачиваясь, раздраженно дернул плечом, словно отгоняя москита.

– Сан Мартин, – поправил он. – Сан Мартин, а не Сан Мартэн, я тебе уже сто раз объяснял. И вообще мне надоели эти вечные подшучивания над вещами выше твоего понимания...

Астрид обошла его и заглянула спереди, но тот продолжал непреклонно смотреть вдаль. Она бросила на песок сумку, стряхнула с ног сандалии и стала стаскивать джинсы.

– Понимаешь, Освальдо, – сказала она, – когда человек воспринимает жизнь слишком всерьез, как это делаешь ты, он неизбежно становится в чем-то немножко смешным. Не обижайся, но это так. Ты не хочешь меня поцеловать?

– Нет, – отрезал Лагартиха.

– Я просто хотела доставить тебе удовольствие, – пояснила Астрид. – Не вздумай понять как-нибудь иначе. Чего это ты сегодня такой мрачный?

– А ты часто видишь меня веселым?

– Верно, – согласилась Астрид. – Но только сегодня ты особенно противный.

– Ты обедала? – неожиданно поинтересовался Лагартиха.

– Да, поела немного, у меня от жары нет аппетита. А что?

– А то, что я вот, например, не обедал, – объявил Лагартиха очень язвительно. – И не потому, что нет аппетита.

– Ты опять на мели, – понимающе сказала Астрид. – Бедняга, ну и сказал бы сразу! У меня в сумке есть сэндвичи...

– С чем?

– Господи, он еще выбирает. С колбасой, кажется, и еще с сыром. Я взяла на двоих. Хочешь?

– Давай, – мрачно согласился Лагартиха. – Понимаешь, эта сволочь Ретондаро опять не прислал денег. Я ходил в речной порт, встретил пароход из Буэнос-Айреса, разыскал связного. Я тебе рассказывал, он там стюардом. «Ликург, – спрашиваю, – передавал что-нибудь для меня?» Ликург – это подпольная кличка Пико Ретондаро, я тебе, кажется, говорил...

Он запустил зубы в сэндвич, отхватил половину и стал сосредоточенно жевать, сохраняя при этом меланхолическое выражение.

– Между прочим, Освальдо, – сказала Астрид, – ты всем своим приятельницам выкладываешь эту информацию – ну, насчет связных, кличек и тому подобное?

Лагартиха, продолжая жевать, покосился на нее с недоумением.

– Какие у меня здесь «приятельницы»? – сказал он, проглотив кусок. – Ты вот единственная.

– Здесь! А дома, небось, трепался направо и налево.

– Чего ради, – он пожал плечами. – Наши девушки настолько далеки от политики, что никому и в голову не придет трепаться с ними на эту тему...

– Что, аргентинки вообще не интересуются политикой? Подумать только. Помню, у нас в ЮЛБ³ самыми остервенелыми активистками были первокурсницы, ни одна драка без них не обходилась.

– Нет, здесь не так. Есть, конечно, исключения, но это не типично. – Лагартиха доел сандвичи и ухмыльнулся. – Пико Ретондаро, та самая рептилия, что должна прислать деньги, решил как-то привлечь одну девочку. Позапрошлым летом, я еще был дома, на легальном положении. Он входил в группу профессора Альв... неважно, назовем его просто «профессор А.». Так вот, у этого профессора есть дочка. Пико однажды мне говорит. «Держим пари, Доритой я овладею – сделаю ее женщиной, а потом революционеркой». И чем, ты думаешь, это кончилось?

– Надо полагать, он выполнил первую часть программы и пренебрег второй.

– Как бы не так! Полное фиаско с самого начала. Эта А., должен тебе сказать, жуткая ломака – этакая, знаешь ли, «ах-не-тронь-меня»; Пико решил сломить ее сопротивление, подавив эрудицией, и начал при каждой встрече читать лекции по политэкономии...

– Ошибочная тактика, – заметила Астрид. – Уж чем-чем, а эрудицией нашу сестру не прошибешь. Другой нужен инструмент.

– В том-то и дело. Та покорно слушала, хлопала глазами, а потом звонит ему одна знакомая: «Слушай, говорит, что ты там вытворяешь с этой малышкой? Я ее недавно приглашаю, а она говорит: только, если будет Пико, я не приду, – он совершенно помешался на политике, а меня от нее тошнит...»

– Бедняга, – сказала Астрид. – Не вышло, значит, заполучить тестя-профессора. Он что, богат?

– Кто, А.? Беден как церковная мышь! Этакий, знаешь, нищий идалго... ездит на «форде» выпуска тридцать третьего года. Отличный старик, но Пико вовсе и не собирался жениться на Дорите, у него давно есть невеста. Кстати, твоя компатриотка... если судить по тому, что фамилия тоже начинается словечком «ван».

– Господи, – сказала Астрид. – Добрая старая Фландрия, никуда от нее не смоешься. Ну хоть невесту-то свою он революционеркой сделал?

– Нет, там и пытаться нечего... буржуа до мозга костей. Вот они действительно состоятельная семейка.

– Ну, положим, ты тоже не из люмпенов, скажем прямо.

– При чем тут я? Во-первых, я со своей социальной средой порвал. Во-вторых, я мужчина. Женщинам вообще нечего делать в революции, это дело мужское.

– Ты давай лопай, революционер, – сказала Астрид. – Ужасно стал тощий, этак ведь и до революции не доживешь.

– Я не тощий, я сухощавый, – с достоинством возразил Лагартиха, так же быстро управившись со вторым сандвичем. – Сплошные мускулы. То, что называется – атлетическое сложение.

– Скажите, какая скромность, – Астрид сделала гримаску. – Ну что, супермен, идем купаться? Или ты еще не восстановил свои увядшие силы?

---

³ Сокр. от Universite Libre de Bruxelles (фр.) – Брюссельский университет.

– Я тебе покажу «увядшие силы», – сказал Лагартиха. Схватив Астрид в охапку, он крутнул ее в воздухе и, перекинув через плечо, бодрой рысью побежал по песку.

– Только не здесь, рог Dios⁴! – в панике закричала она, колотя его по спине кулаками – Освальдо, нас ведь посадят, а тебя выдадут Аргентине – кто тогда будет свергать тирана... Ай! Я больше не буду, не буду!

Наградив насмешницу еще парой увесистых шлепков, он бросил ее в воду, потом вернулся к тому месту, где лежала их одежда, и съел третий сандвич. Поплавав немного – вода действительно оказалась холодной, – вернулась и Астрид.

– С дамами так не обращаются, – сказала она, – хотя я и не в обиде – понимаю, что заработала. Слушай, но как, оказывается, легко пробудить в человеке первобытные инстинкты! Всего-навсего два сандвича, надо же. А если скормить тебе хороший ростбиф, да еще с кровью, а? Страшно подумать.

– Уж не хочешь ли ты сказать... – угрожающе начал Лагартиха.

Астрид на всякий случай быстро отодвинулась и молитвенно сложила руки.

– Нет-нет, что ты, вовсе нет! Ты ведь знаешь, нам всегда было так хорошо вместе.

Что-то в ее тоне заставило Лагартиху насторожиться.

– Было? Что значит – «было»? При чем здесь прошедшее время?

– Ну... просто так. Впрочем, дело в том, что я, наверное, скоро уеду.

Лагартиха приподнялся на локте.

– Ты – уедешь? В Европу, что ли?

– Нет, нет, не так далеко. Просто я нашла работу, переводчицей, и это будет связано с поездками. Не знаю; надолго ли.

– Переводчицей? А в какой фирме?

– Самое интересное, что я и понятия об этом не имею, – Астрид засмеялась. – По-моему, это просто компания жуликов. Какие-то международные аферисты.

– Послушай, я тебя серьезно спрашиваю!

– На этот раз я не шучу, Освальдо, ну правда же. Они называют себя этнографической экспедицией; шеф у них француз, совершенно шикарный тип, потом один итальянец и один не то поляк, не то югослав, в общем откуда-то оттуда. Очень сдержанный, молчаливый и большой специалист по всяким шпионским штучкам. Представляешь – такой микрофон, ты его нацеливаешь на определенного человека и за сто метров прекрасно слышишь, что он говорит шепотом. У них вообще всякое оборудование, им занимается поляк. А итальянец – Маду мне его представил как этнографа, но если он этнограф, то я – Софи Лорен... Просто трепло. Ужасно испугался, когда узнал, что я занималась антропологией. Я спрашиваю, кого они собираются изучать, а он говорит: аймаров и гуарани. Представляешь? Я чуть не сдохла! Так и хотелось сказать, что прихватили бы уж заодно и папуасов...

– И ты что, всерьез собралась с ними ехать?

– А почему бы и нет. Знаешь, что они еще сказали? Что здесь есть германоязычные индейцы, которые ни бум-бум по-испански...

– Они-то жулики, это ясно. А вот ты – дура.

– Вероятно, – охотно согласилась Астрид. – Но дуракам жить веселее, ты не согласен? Разве тебе не веселее свергать тиранов, чем зубрить римское право?

На этот раз Лагартиха не обиделся.

– Все-таки не понимаю, что это тебя потянуло к каким-то проходимцам.

– Предельно просто: меня заинтересовал их шеф. Мсье Филипп Маду! Ах, Освальдо, если бы ты его видел...

– Ты сейчас опять получишь.

---

⁴ Бога ради! (исп.).

– Ну, милый, нельзя же злоупотреблять физическим превосходством, все-таки я женщина. Стыдитесь, кабальеро! И потом ты зря подозреваешь меня в дурных намерениях.

– Нечего и подозревать, ты их провозгласила достаточно ясно.

– О, ты не так понял! А впрочем, тебе-то что?

– Хорошенькое дело! Кому же, если не мне?

– Да никому! Я достаточно взрослый человек, чтобы отвечать за свои поступки... и вести себя так, как считаю нужным.

– Ну и веди, черт с тобой, – сказал Лагартиха притворно равнодушным тоном. – Можешь ехать куда угодно и с кем угодно.

– Нет, это мне нравится! – воскликнула Астрид. – Кабальеро устраивает сцену ревности! Освальдо, милый, в каком веке ты живешь? Или ты, может, решил на мне жениться?

– Бог меня не допустит до подобного безумия, – Лагартиха истово перекрестился и поцеловал ноготь большого пальца.

– Тогда почему тебя беспокоит моя нравственность?

– Твоя безопасность, идиотка! Ехать в сельву с какой-то бандой, это же надо додуматься.

– Ну, видишь ли, не нужно понимать так уж буквально. Может, они и жулики, но не того типа, который ты имеешь в виду. Во всяком случае, не думаю, чтобы у них были планы продать меня в бордель. На мне много не заработаешь, дудки. Видишь, у тебя даже не возникло мысли сделать мне предложение.

– Тут совсем другие причины, – возразил Лагартиха. – Ты мне нравишься, и прекрасно это знаешь. А жениться я вообще пока не намерен, мое призвание – политика.

– Вот и спал бы с нею, – ехидно посоветовала Астрид. – Со своей роскошной политикой!

– Предпочитаю с тобой.

– Прекрасно, я ничего не имею против. Но мы с самого начала договорились, что это будет честная игра. Ты не стесняешь меня, я не стесняю тебя, и уж ревновать тут глупо. Согласен? Доедай сэндвичи, они все равно пропадут. Тебе нужны деньги?

– Спасибо, я постараюсь разжиться у кого-нибудь из ребят. Если повезет, приглашаю в «Копакабану», – нужно же отпраздновать твое новое знакомство.

– Отличная мысль. Если не удастся достать денег, возьмешь у меня.

– Еще этого не хватало!

– Да займы, займы, чего кипятиться, – Астрид сняла темные очки и перевернулась на живот. – А пока я посплю. Ты еще будешь купаться?

– Пожалуй, разок окунусь.

– Ну, проваливай.

Лагартиха пошел купаться. Вернувшись, он растянулся рядом с Астрид и как бы невзначай положил руку ей на поясницу.

– Кабальеро, – сказала девушка сонным голосом, – вы на общественном пляже...

– Но это вполне целомудренное объятие, – возразил он, придвигаясь поближе. – Именно так Дафнис мог обнимать Хлою.

– Скажешь это полицейским... и проследи, чтобы фраза попала в протокол. Послушай, убери руку! Тебе что, голову напекло?

Лагартиха неохотно повиновался.

– Сколько еще в тебе мелкобуржуазных предрассудков, – вздохнул он. – И подумать, что вы – вообще все европейцы – считаете нас отсталыми...

– Плевать на предрассудки, я не хочу фигурировать в скандальной хронике. Не можешь ты, что ли, потерпеть до вечера?

– Еще как могу. Вообще должен сказать, что женщины занимают в моей жизни весьма второстепенное место.

– Оно и видно, мой Дафнис.

– Да, именно второстепенное, представь себе. Это просто как необходимая разрядка, понимаешь? Так мы идем вечером в «Копакабану»?

– Я же сказала, что приглашение приняла с благодарностью. И даже предлагаю финансировать это дело!

– Не беспокойся, я выколочу что-нибудь из своих ребят. Менендес Каррильо, например, он ведь мне должен почти триста национальных. А сам ездит в Пириаполис играть в рулетку, ну не сволочь?

– Просто гад, – сочувственно сказала Астрид. – Может, он продался тирану?

– Нет, этого я не думаю, провокаторы ведут себя осторожнее. Просто никакого чувства ответственности. Однажды проиграл деньги из партийной кассы, представляешь?

– Представляю. Вы его предайте суду тайного трибунала – за растрату сумм, предназначенных для революции. Заочный приговор, потом удар кинжалом в темном переулке, это же так романтично. А я могу сыграть роль приманки – назначу ему свидание...

– Опять идиотские шуточки, – с неудовольствием сказал Лагартиха.

– Какие шуточки, милый, речь идет о жизни человека. Даже если это роконосец, не платящий долгов и проигрывающий партийные деньги. Нет, мне его жалко, может у него нет в жизни других радостей? Не нужно убивать, пусть себе играет в рулетку, ты просто выцарапай у него сотню пиастров на сегодняшнюю оргию.

– А потом ко мне?

– Да уж куда от тебя денешься...

– И все-таки я не очень представляю себе, как мы сможем ее использовать, – сказал Полунин. – И будет ли от нее вообще польза. Что будет опасность – это точно.

– Конкретно? – спросил Филипп. Он отошел от окна и посмотрел на Полунина, лежащего на кровати. Тот на ощупь нашел на полу пепельницу, раздавил окурочек и сцепил кисти рук под затылком.

– Что – конкретно? Ты ведь не можешь поручиться, что она не разболтает всем своим приятелям. Нам не хватает только широкого паблисити!

– По-моему, она не такая дура, это во-первых...

– В постели всякая женщина становится дурой, – сказал Дино. – И обычно – дурой болтливой. Тут Мишель прав.

– ...во-вторых, – упрямо продолжал Филипп, – она не знает главного. Хорошо, допустим, она разболтает. Но что? Что мы собираем материал о нацистских колониях? Да черт побери, таких охотников за сенсациями тут уже побывала не одна сотня. Кого они беспокоят? Колонии так засекречены, что к ним не подобраться, – боши рассчитывают именно на это. А что мировая общественность в принципе знает о существовании этих осиных гнезд – им наплевать.

– Согласен, но за каждым нашим шагом будут следить.

– Мы должны учитывать и такую возможность.

– Учитывать возможность – это одно, а самим подставлять голову... – Полунин пожал плечами. – Не знаю, я бы, пожалуй, воздержался. Впрочем, что теперь говорить, – если твой шаг был ошибкой, то она уже все равно сделана.

– Да, теперь обсуждать поздно, – сказал Дино. – Будем надеяться, что ошибаемся мы с Мишелем. Но она хоть действительно не любит этих вшивых наци? Нынешняя молодежь к подобным вопросам скорее равнодушна.

– Она их ненавидит. Иначе почему бы она бросила семью? Ее отец всю оккупацию делал деньги, поставляя что-то для люфтваффе. Летом сорок четвертого установил контакт с бельгийскими макизарами⁵, там в Арденнах действовало несколько отрядов. Помогал продуктами,

---

⁵ Maquisard – партизан, участник Сопrotивления (фр.).

медикаментами, даже один раз достал для них небольшую партию оружия. Представляете? Девчонка все видела – четыре года у них в доме толклись бошские офицеры. Потом родитель исчез, а в день освобождения Антверпена подкатил к дому на английском джипе, с автоматом, с трехцветной повязкой на рукаве, словом герой Сопротивления... Все равно у них потом чуть ли не каждую ночь били окна, а на стенах рисовали свастики.

– Сколько ей тогда было? – спросил Полунин.

– В сорок четвертом? Лет двенадцать, – сейчас ей двадцать три, посчитай сам. Короче, когда начались процессы над коллаборационистами, папа ван Стеенховен решил смотать удочки и срочно раздобыл себе какой-то пост в бельгийской оккупационной администрации в Германии...

– Беднягу неудержимо влекло к колбасникам, – меланхолично заметил Дино.

– Просто там было легче дожидаться более спокойных времен. И потом точный политический расчет: Обвинить в сотрудничестве с врагом представителя короны – это уже скандал, вы ведь понимаете... Все это, повторяю, происходило на глазах у Астрид, а в молодости подобных штук не прощают. Потом у нее еще была какая-то история в университете, – она поступила туда, вернувшись из Германии, я толком не знаю, что случилось, расспрашивать было неудобно. Возможно, кто-нибудь напомнил ей о папочкиных делах во время оккупации. После этого она порвала с семьей, – как видите, у нее достаточно оснований не любить бошей.

– Ну а этот ее аргентинец? – спросил Полунин.

– Вот он-то и есть самое интересное! Собственно, я ведь ради него с нею и познакомился...

– Где у черта ты ее вообще откопал? – спросил Дино.

– Терпение, парни, терпение. Не перебивайте на каждом слове, иначе никогда не кончу! Дело было так. Звонит мне вчера некий Гренье, он здесь от «Франс суар», я его немного знаю еще по Парижу... Ну, встретились, посидели, выпили, я стал расспрашивать о местных делах. Он здесь уже второй год, неплохо ориентируется. Когда зашел разговор об Аргентине, он рассказал любопытную вещь... Скажи-ка, Мишель, ты там слышал что-нибудь о так называемом «Национальном антикоммунистическом командовании»?

– Есть такое, – подумав, сказал Полунин. – Что-то вроде гестапо на общественных началах.

– На общественных? Гренье считает, что это организация правительственная.

– А черт ее знает. Выступает она под маркой общественности, а какие там у нее на самом деле связи с Розовым домом...

– Ладно, это несущественно. Важно вот что: можно ли считать, что вокруг этого «командования» гнездятся аргентинские нацисты?

– Да уж наверняка не без этого, – сказал Полунин. – Их, правда, скорее можно назвать фашистами, поскольку они не враждуют с католической церковью.

– Тем лучше. Теперь слушайте дальше! Здесь живет некий Морено – аргентинец, очень богатый человек, адвокат, скотопромышленник, закулисный политический деятель, словом фигура довольно своеобразная... Из Аргентины он сюда перебрался еще до войны, а в тридцать девятом году занял твердую просоюзническую позицию. Особенно, впрочем, ее не афишируя. Здесь в то время действовала довольно активная группа: некоторые депутаты парламента, один профессор – этого я даже знаю, Артюр, Артюс, что-то в этом роде, – мне попадалась его книга «Нацистский спрут»... Они били во все колокола, уверяя, что здесь не сегодня-завтра начнут высаживаться немецкие десанты, что местные немцы давно уже создали тайную боевую организацию и ждут только сигнала, чтобы взяться за оружие, – словом, в таком роде. Во всем этом, конечно, много было паникерства, едва ли Гитлер даже в то время мог всерьез нацеливаться на Южную Америку...

– Ну, пятая колонна здесь была, – заметил Полунин, – и довольно активная.

– Да, пятая колонна действовала, и в этом смысле поднятый ими шум оказался полезным. До этого здесь к нацизму относились – в массе – довольно благодушно, как к чему-то слишком далекому, чтобы представлять серьезную опасность. Так вот, я почему об этом вспомнил, – Морено, говорят, был одним из закулисных организаторов всей этой антинацистской кампании. А дальше начинается этакая «комедия ошибок». У Морено, когда он еще жил в Буэнос-Айресе, был в приятелях какой-то ирландец, ярый англофоб и не менее ярый поклонник Гитлера. Как уж они ухитрились ладить, понятия не имею; но только вскоре после войны приезжает сюда к Морено его сын...

– Чей сын, Морено? – спросил Дино.

– Какого Морено? Ирландца, черт побери! Сын этого несостоявшегося квислинга, – Морено его знал еще мальчишкой. Так вот, приезжает этот тип и начинает обращать старика в свою веру: Германия, дескать, проиграла лишь первую фазу войны, но будут еще другие, а на этом континенте есть силы, которые ждут своего часа, – ну и так далее... Я опять-таки не знаю, почему Морено сразу его не выставил и почему он вообще счел нужным скрывать свои политические симпатии. Короче, ирландец – отца его, кажется, уже нет в живых – стал наведываться регулярно. А с год назад, когда здесь было уже порядочно эмигрантов-антиперонистов из Аргентины, он спросил у Морено, не согласится ли тот давать время от времени информацию об этих людях. И сказал, что занимает довольно ответственный пост в «Национальном антикоммунистическом командовании»...

– А, вот оно что, – пробормотал Полунин.

– Теперь догадываетесь, что к чему? В общем, Морено решил продолжить розыгрыш, предложение этого сукиного сына принял и с тех пор время от времени подкидывает в Буэнос-Айрес какие-нибудь «сведения»... похитрее составленные, чтобы и самому не засыпаться, и там никого не подвести. Подозреваю, что для старика это просто развлечение, вроде шахмат...

– Что ж, – сказал Дино, – всякий развлекается по-своему, ты прав. Я знаю в Турине одного весьма почтенного комендатора, который всю неделю ловит мышей – только для того, чтобы в воскресенье принести в церковь и по одной выпускать во время мессы. Но меня другое удивляет. Это все твой приятель тебе рассказал?

– Да, Гренье.

– Хорошо, подумай сам: если человек ведет двойную игру, неужели он будет делать это так, чтобы об этом все знали?

– Далеко не все, – возразил Филипп. – Гренье всегда славился талантом вынюхивать подробности, которых не знает никто. Это уж просто он со мной поделился как с коллегой, а вообще я не думаю, чтобы эта история была так уж широко известна.

– Да и потом, – вмешался Полунин, – в Латинской Америке к таким вещам подходят иначе, и конспирация здесь – это совсем не то, что мы привыкли понимать под этим словом в Европе.

– Как бы то ни было, – сказал Дино, – и как бы облегченно ни относиться к понятию конспирации, ни один человек в здравом уме не станет хвастать, как ловко ему удается водить за нос секретную политическую полицию...

– А чем, строго говоря, он рискует? Ну, даже дойдут слухи до этого ирландца... так что же он, убийца к нему подойдет? Если Морено и в самом деле так влиятелен, как рассказали Филиппу, это уже гарантия... В такие дела опасно ввязываться мелкой сошке, а сильные мира сего в любом случае выходят сухими из воды. Нет, мне эта история представляется вполне правдоподобной – при всей ее очевидной нелепости, тут я с Дино согласен. Но я все-таки еще не улавливаю, при чем тут Астрид со своим аргентинцем?

– Сейчас, сейчас объясню! – Мне сразу подумалось, нельзя ли это каким-то образом использовать; спросил у Гренье – просто под видом профессионального любопытства – можно ли познакомиться с этим Морено, оригинальный, мол, тип, хорошо бы о нем что-то написать...

Ну, он сказал, что к самому старику не подобраться – человек он занятой и нашего брата недолюбливает, – но есть один молодой аргентинец из политических эмигрантов, который к Морено вхож; он, Гренье, хорошо знает подружку этого парня и вот с ней-то может меня познакомить в любое время, благо она переспала уже чуть ли не с половиной корреспондентского корпуса Монтевидео. Это он, положим, соврал – я наводил справки. Но когда я вдобавок узнал, что эта бельгийка владеет немецким и испанским, мне подумалось, что она может нам пригодиться еще и по этой линии...

– По этой линии все ясно, – перебил Полунин, – но каким образом аргентинец...

– Но, старина, это же как дважды два четыре! Астрид знакомит нас с аргентинцем, тот открывает нам дорогу к Морено.

– А дальше? Что конкретно ты надеешься получить от Морено?

– Да не от него! От ирландца, понимаете? Чутье мне подсказывает, что ирландец может оказаться полезным. Дело в том, что... если вокруг «командования» группируются аргентинские ультра, у него наверняка есть связь с немецкой колонией и, возможно, какие-то сведения...

– Да, и ты думаешь, они станут делиться этими сведениями с кем попало?

– С кем попало – нет, – Филипп помолчал. – Но если бы к ним пришел не «кто попало»...

Не знаю, парни, не знаю. Ручаться тут ни за что нельзя, это ясно. Но, во всяком случае, продумать этот вариант не мешает...

Глава вторая

Буэнос-Айрес, федеральная столица Аргентинской Республики и самый большой город южного полушария, встретил пассажиров холодным не по сезону дождем. Выйдя из таможни, Полунин огляделся по сторонам: такси, как водится, не было, на автобусной остановке мокла под зонтами терпеливая очередь; он чертыхнулся вполголоса и, подняв воротник плаща, отправился пешком. На авениде Уэрго удалось вскочить в троллейбус, идущий к площади Конституции.

В метро охватила влажная, как в бане, гнетущая духота. Стиснутый со всех сторон, он стоял, держась за кожаную петлю, и с отвращением чувствовал, как по спине сбегает щекочущая струйка пота. И ведь это уже апрель, на улице даже прохладно; страшно вспомнить, что тут делается в январе. Протиснувшись к выходу на станции «Трибуналес», Полунин немного отдышался, постояв на перроне, и поднялся наверх. После подземной парилки даже отравленный тетраэтилом воздух центра казался чистым озоном. Ветер, впрочем, дул со стороны сквера, так что в некотором количестве кислород и впрямь присутствовал.

Жил Полунин на улице Талькауано, рядом с Дворцом правосудия, снимал комнату у одного судового механика-шведа, старого холостяка и пьяницы. Если не считать периодических загулов в промежутках между рейсами, Свенсон этот был самым удобным из квартирных хозяев – отсутствовал по два-три месяца, никогда не напоминал о плате; получив деньги, совал их в карман, не пересчитав, и предлагал выпить.

Из-за него, правда, Полунину однажды страшно досталось от Дуняши. Прошлой зимой они были в театре, потом он предложил зайти к нему выпить кофе, а Свенсона угораздило вернуться из плавания в тот самый день, – Полунин, уйдя из дому утром, этого еще не знал. Услышав их голоса в прихожей, механик выдвинулся из своей комнаты, держась за притолоку, одобрительно оглядел Дуняшу и, подмигнув Полунину, объявил заплетающимся языком, что это отличная идея, черт побери, и что он – Свенсон – тоже пойдет сейчас за девочкой. Дуняша ахнула и вылетела обратно на лестницу, Полунин догнал ее этажом ниже, вот тут-то все и началось, «Грязный распутник! – кричала она в слезах – Если ты сам предпочитаешь жить в борделе – в конце концов, у всякого свой вкус, но как у тебя хватило бесстыдства привести сюда меня?» Усадив ее наконец в такси – проводить себя она так и не позволила, – Полунин вернулся с твердым намерением набить морду проклятому пьянице, но Свенсон уже храпел на всю квартиру. А утром он пил «алка-зельцер», тихо постанывал, держась за виски, и говорил умиравшим голосом, что ничего не помнит – пусть его утопят в луже, – но готов поверить всему, признать собственное свинство и принести фрекен любые извинения. «Да на кой черт они ей теперь нужны», – сказал Полунин. Больше приглашать к себе Дуняшу он не отваживался.

Эта нелепая история вспомнилась ему сейчас, пока он поднимался в шатком и поскрипывающем лифте, неприязненно поглядывая на исцарапанные зеркала, красный потертый плюш и облезлую позолоту проплывающих мимо решеток. Если сама квартира и не оправдывала брошенной Дуняшей определения (по крайней мере, в отсутствие Свенсона), то кабинка лифта выглядела и в самом деле подозрительно. Почему знать – может, в этом доме и впрямь было одно из тех заведений, которыми славился некогда «южноамериканский Париж»?

В прихожей на полу валялись пыльные конверты – счета за электричество, газ, телефон. Изучив штемпели, Полунин понял, что Свенсон за это время дома не появлялся. Он с облегчением стащил мокрый плащ, прошел в ванную, зажег утробно взрепевший каледон и открыл краны, чтобы дать стечь ржавой воде. В его комнате все было, как он оставил три месяца назад, – брошенные у двери альпартаты на веревочной подошве, пожелтевший номер «Критики» на койке, заваленный радиодетальями стол в углу. Пахло пылью и запустением. Оставляя на скрипучем паркете мокрые следы, он прошел через комнату, рванул настежь набухшую

дверь на балкон и сел в качалку, закрыв глаза. Пять лет уже торчит он в этой опостылевшей берлоге. А Свенсон, кажется, тридцать. Страшно подумать...

После горячего душа Полунин почувствовал себя бодрее. Позвонил Дуняше – дома ее не оказалось, и неизвестно было, когда вернется, – потом вышел пообедать. Дождь тем временем перестал, потеплело, душная сырая мгла висела над городом. Только в сквере перед Дворцом правосудия дышалось легче, Полунин ослабил узел галстука, расстегнул воротничок. Вышагивая с заложенными за спину руками по мокрым песчаным дорожкам под низко разросшимися вязами, он снова и снова взвешивал в уме все «за» и «против» неожиданного плана, который пришел ему в голову ночью, на пароходе. Жаль, что не раньше, можно было бы посоветоваться с ребятами. Впрочем, вряд ли они могли бы дать ему толковый совет именно в таком деле...

Вернувшись к себе, он еще раз позвонил Дуняше, опять ее не застал и лег отдохнуть, поставив будильник на семь часов.

В девять вечера Полунин не спеша поднимался по лестнице Русского клуба на улице Карлос Кальво. Уверенности, что сегодня удастся встретить кого-нибудь из нужных людей, у него не было – в апреле клубный сезон только начинается, к тому же воскресенье, канун рабочего дня. Наверху, впрочем, слышалось какое-то веселье, и довольно шумное.

Первым, кого он увидел, войдя в буфетную, был Кока Агеев со своими крашеными сединами и сморщенным шутовским личиком сатира на пенсии. Маленький, тощий, но не по годам жизнелюбивый старец был завсегдатаем двух самых популярных эмигрантских клубов – «Общества колонистов» в Бальестере и этого, на Карлос Кальво (хотя оба враждовали непримиримо); без Коки, само собой, не обходился в Буэнос-Айресе ни один русский бал – ни общевойсковой, ни морской, ни инвалидный. Особенно охотно посещал он скаутские балы, где можно было приволокнуться за какой-нибудь «юной разведчицей». В колонии его так и называли – «Кока Агеев, развратный старик»; сам он этой аттестацией немало гордился и всячески старался оправдать ее в меру своих ограниченных уже возможностей.

– Ба, кого я вижу! – закричал Кока, простирая объятия. – Знакомые всё лица! Где это вы пропадали, мон шер?

– В Уругвай съездил, по делам... Здравствуйте, Агеев. Кстати, вы ведь меня не знаете.

– Позвольте!

– Вот вам и «позвольте». Ну как меня зовут?

– А, тут я пас. Зрительная память у меня превосходная, – с достоинством ответил Кока, изысканно грацируя, – а имен не запоминаю. Помилуйте, я даже любовниц своих называю невпопад! Но готов поклясться, лицо ваше мне знакомо.

– Еще бы, за семь лет все мы тут намозолили друг другу глаза. Как у них сегодня водка?

– Отвратная. Но что делать? За неимением гербовой пишат на простой.

– Мудрые слова. Вы со мной поужинаете?

– Не могу, дорогой, некогда! Рюмку водки выпью, в честь вашего благополучного возвращения, а от ужина увольте...

– У вас, конечно, опять свидание, ох, Агеев, – рассеянно сказал Полунин и, оглянувшись, подозвал официантку. Из-за закрытых дверей расположенной рядом «красной гостиной» донесся взрыв хохота и аплодисменты. – Не знаете, что там за торжество?

– Банкет! – Кока многозначительно поднял палец. – Его превосходительство генерал Хольмстов со своими боевыми соратниками.

– Вот как? – Полунин заинтересовался. – А по какому поводу?

– Вы поручика Кривенко знаете?

– Кто же его не знает...

– Так он, да будет вам известно, уже не поручик – сегодня празднуется его производство. Ну, и вообще. Так сказать, бойцы вспоминают минувшие дни.

– Любопытно, любопытно... – Полунин повернулся к подошедшей официантке. – Людочка, мое почтение. Как насчет ужина?

– Даже не знаю, на кухне сегодня такое делается... Я говорю, одна головная боль с этими банкетами. Может, биф вам зажарить?

– Прекрасно. Агеев, вы действительно не соблазнитесь?

– Не могу, дорогой, пароль д'онёр⁶ – некогда.

– Тогда один. Потолще, пожалуйста, и не очень прожаренный. А мы пока водки выпьем.

– Биф один, водка, – кивнула Людочка и сделала пометку в блокноте. – Закуску какую подать?

– На ваше усмотрение. Винегрет есть?

– Не рекомендую, асейта⁷* оказалась не очень свежая Селедочки не желаете? Селедка хорошая, от Брусиловского.

– Это мысль, давайте сюда селедку...

Закуска и в самом деле оказалась хорошей, и они с легкомысленным старцем быстро усидели графинчик водки, попутно Полунин оказался в курсе всех событий, происшедших в колонии за это лето. Строительная фирма «Сан-Андрес лимитада», собиравшая среди эмигрантов деньги на постройку «недорогих и комфортабельных коттеджей», неожиданно обанкротилась, деньги исчезли неведомо куда, глава фирмы – тоже; его помощника ввергли в узилище, но что толку? Старая княгиня Р. перестала ездить в церковь на улице Облигадо и сделалась прихожанкой Пуэйрредона: на Облигадо, объявила она, нет больше истинной благодати. Ужасно перегрызлись между собой солидаристы – один из них (чуть ли не член «руководящего круга») опубликовал в «Новом русском слове» две статьи – «Крушение одной концепции» и «НТС 1955». Сам Кока этих статей не читал, но слышал, что злее не могли бы написать и в Москве. Не исключено, впрочем, что это и есть «рука Москвы». А у скаутов тоже скандал: молодой А. соблазнил шестнадцатилетнюю красавицу Б. Правда, он с перепугу тут же на ней женился, но все равно – шуму было много. Мать Б., говорят, до сих пор не может прийти в себя.

– Ей-то что, – сказал Полунин. – Дочь замужем, а этот А., кажется, парень как парень.

– Все так, – покивал Кока и налил себе еще. – Но мезальянс остается мезальянсом. Он ведь из купцов, а Б. – старый дворянский род, записан в «Бархатной книге»...

– Ну, если в «Бархатной», тогда конечно, – согласился Полунин. – Агеев, вы с Кривенко в хороших отношениях?

– Как со всеми; плохих отношений я избегаю принципиально. А в чем дело?

– Вы уже поздравили его с четвертой звездочкой?

– Нет, – сокрушенно сказал Кока, – этого я, признаться, сделать еще не успел.

– А вы сделайте сейчас. Удобно будет, как по-вашему? Просто войти туда и пожать его честную солдатскую руку.

– Почему же нет, батенька? – Кока прищурился и хитро глянул на него одним глазом, по-попугайски. – Но вам-то это для чего?

– Я бы хотел тоже его поздравить, но не при всех. Когда вы будете пожимать поручику – виноват, капитану – его честную руку, скажите, что, если он улучит минуту, пусть выйдет в буфет – там, мол, сидит Полунин...

– Полунин! – воскликнул Кока и схватился за лоб. – Ну конечно же! Полунин... минутку, минутку... Михаил Сергеевич?

– Он самый.

---

⁶ Parole d'honneur – честное слово (фр.).

⁷ Aceite – растительное масло (исп.).

– Дорогой мой! – Кока через столик полез лобызать его, словно обрел блудного сына, Полунин едва успел отодвинуть графин. – Проклятый склероз, я же помню, что нас знакомили... Миша, дорогой! Ну как за это не выпить?

Они выпили, потом Кока встал и, утвердившись на ногах, направился в «красную гостиную».

Отсутствовал он довольно долго. Полунину принесли бифштекс, и он принялся за еду, обдумывая неожиданно возникший вариант. Кривенко так Кривенко, какая разница. Может, он и окажется самым подходящим материалом...

К тому времени, когда вернулся его посланец, Полунин успел уже мысленно прикинуть схему предстоящего разговора.

– Значит, обстановка такова, – сказал Кока и прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. – Генерал сейчас отбывает. Один. Поскольку Кривенко сегодня вроде бы именинник, его превосходительство решил обойтись без адъютанта. Так что он к тебе подойдет – проводит генерала и подойдет. Знаешь, он был оч-чень рад, когда услышал твое имя. Вы приятели?

– Да как сказать, – неопределенно ответил Полунин. – Скорее, просто знакомые. Ну спасибо, Агеев.

– Не за что, мон шер, не за что! А сейчас я... упархиваю. И так уже опоздал безбожно, дамы ведь ждать не любят, хе-хе...

Едва ушел Кока, к столику подсел Володька Костылев, суетливый дальневосточник из харбинцев. Он был трезв, озабочен, грыз ногти и поминутно оглядывался, кого-то искал.

– Скажи, Майкл, ты этих братьев-разбойников знаешь, из Бериссо, они еще по субконтракту монтировали подстанции на рефинерии⁸ «Эва Перон», – Драбниковы, что ли?

– Слыхал, но не знаком.

– Черт, я думал, ты видел... мне говорили, кто-то из них сегодня должен быть здесь. Слушай, а ты сам сейчас работаешь?

– Работаю, конечно. А что случилось?

– Впрочем, да, ты же все равно радист, – Костылев досадливо хмыкнул. – Понимаешь, позарез нужна хорошая бригада – человек десять, механики, слесари... Я такой контракт наколот, с ума сойти. Золотое дно!

– На выезд?

– В том-то и дело, что нет! Здесь, полчаса ходу от Конститушн Плейс... Здоровенная кондитерская фабрика – да ты знаешь наверняка, «Ноэль» – шоколад, фруктовые консервы, всякая такая хреновина... Извини, я на минутку!

Сорвавшись с места, он отошел к одному из дальних столиков, поговорил там, потом вернулся и сел, нервно барабанил пальцами.

– Год дэм! Начинать нужно срочно, работы непочатый край, там половину оборудования надо менять к едреной матери... а людей нет!

– Я поспрашиваю у ребят, – сказал Полунин. – Как плата?

– Плата будет о'кэй, – заверил Костылев, жадно оглядывая группу вновь вошедших. – Двенадцать тугриков в час! И работать хоть по двадцать часов – дело аккордное, – ни один синдикат не пригребется... Слушай, Майкл, ты им скажи, год дэм, это же золотой заработок, каждый будет иметь верных полторы тыщи в кинсену⁹. А работа большая, примерно на год, не меньше...

– Хорошо, если увижу кого-нибудь.

– На вот, раздашь им мои карточки, тут телефон, пусть звонят хоть среди ночи...

– А что, Володька, не слишком это хлопотное дело – иметь собственный бизнес?

---

⁸ Refineria – нефтеперегонный завод (исп.)

⁹ Quinсena – пятнадцатидневка (исп.).

Костылев ухмыльнулся самодовольно.

– А что ты предлагаешь? Ишачить на чужого дядю? Не моя линия, Майкл.хлопот выше головы, ты прав, но зато сам себе хозяин: лет пять еще повкальваю тут, загребу мани и – в Штаты. А уж там-то я развернусь, будь спок...

В буфетной становилось все многолюднее, Костылев увидел кого-то из знакомых и снова исчез. Рад небось, что признали бизнесменом, – вроде бы и в шутку сказано, а все же. Полунину подумалось вдруг, что жалкое какое-то впечатление производят эти эмигрантские «дельцы», из кожи вон лезущие – хоть отдаленно уподобиться здешним, настоящим, издавна и надежно укорененным, никогда не носившим клейма беженства и бездомности. «Уж там-то я развернусь!» – будто он один об этом мечтает, каждый ведь спит и видит рано или поздно сколотить собственную фирму и обзавестись капиталом, правдами и неправдами втереться в местные деловые круги, слиться наконец с этим блистательным миром банков, импортно-экспортных компаний, обществ с ограниченной ответственностью, трестов и консорциумов, – миром таким близким – вот, вот он, совсем рядом! – и таким недостижимым... Все ведь они, скорее всего, в глубине души отлично понимают, что он им действительно не по зубам, что мечта так и останется мечтой, что никому из них не заседать в каком-нибудь административном совете, не ездить в лимузине с шофером в фирменной ливрее, не встречаться за картами в Жокей-клубе с директором «Банко Насьональ» или управляющим «Бунхе и Борн». И что весь «бизнес» так и останется шакалей погоней за объедками – бросовые контракты, субподряды, мелкое маклерство. Словом, игра в деловую жизнь. Как и все другие эмигрантские игры – в политику, в журналистику, в армию...

В самом деле, разве одни только «бизнесмены» вроде Костылева производят жалкое впечатление? Нисколько не лучше и другие – те, что устраивают съезды и конгрессы, издают на пожертвования еженедельные четырехполосные газетки тиражом в две-три тысячи экземпляров, глубокомысленно обсуждают (до сих пор!) причины поражения Врангеля и «легитимность прав» того или иного претендента на российский престол, производят поручиков в капитаны. Такое же убогое лицедейство, подделка под настоящее. Чтобы все было как у людей – как у аргентинцев, у французов, у американцев... Ведь вот тот же Володька, – мужику, слава богу, чуть ли не под сорок, и не такой уж от природы дурак, а ведет себя как мальчишка: жевательная резинка, галстуки с голыми бабами, отечественная матерщина вперемешку с американским сленгом, нахватанным у морских пехотинцев где-нибудь на Филиппинах; даже походка, медлительная и вразвалочку (если не суетится, как сегодня), и та скопирована с какого-нибудь шерифа или ковбоя в плохом вестерне...

За дверьми «красной гостиной» еще громче зашумели, закричали, послышался взрыв аплодисментов. Потом задвигали стульями. Двери распахнулись, и показался сам его превосходительство в сопровождении адъютанта, виновника сегодняшнего торжества.

Генерал Смысловский-Регенау-Хольмстон, бывший деникинский контрразведчик и один из руководителей гестаповского «Зондерштаба Р» в оккупированной Варшаве, внешность имел самую заурядную. Плотный, среднего роста мужчина лет под шестьдесят, вида властного и уверенного в себе, – но не больше; встретив на улице этого господина в немодном двубортном костюме, всякий принял бы его за обычного дельца средней руки. Бог, вопреки известному правилу, явно не пожелал метить эту незаурядную шельму, словно облегчая ей профессиональный камуфляж.

Зато уж про адъютанта сказать этого было нельзя. Глянув на него, Полунин снова подумал, что такой богомерзкой рожи ему видеть не приходилось даже у охранников в шталагах.

Он был, вероятно, его ровесником – лет тридцати пяти; высокий, спортивного сложения, с большими мосластыми руками, поросшими рыжеватым пухом. На голове у Кривенко тоже произрастал какой-то пух – то ли волосы были слишком редки, то ли он их слишком коротко стриг, но впечатление создавалось чего-то голого и неоперившегося; впечатление неясное,

потому что при первой же попытке внимательнее присмотреться к внешности генеральского адъютанта любопытный встречался с его глазами – и тут же терял всякое желание изучать волосяной покров.

Собственно, у Кривенко были не глаза, а смотровые щели, глубоко упрятанные под массивным лобовым скосом; ниже помещалась еще одна щель – рот, безгубый, широкий от природы и еще больше растянутый в улыбке, потому что адъютант всегда улыбался, и притом любезно; а посередине – нос, расплющенный и сломанный, как у боксера. Эта всегдашняя улыбочка и делала лицо Кривенко особенно страшным.

Проходя с генералом через буфетную, новоиспеченный капитан огляделся, увидел Полунина и, заулыбавшись еще шире, сделал успокаивающий знак – сейчас, мол, одну минутку...

Чего Полунин никогда не мог понять, так это дружелюбия, которое Кривенко всегда проявлял в отношении к нему. За все эти годы он едва ли обменялся с адъютантом Хольмстона и дюжиной фраз, раза два-три они случайно оказывались вместе в какой-нибудь компании, обычно же встречались, как все, – в клубе, на балу. И всякий раз поручик словно напрашивался на дружбу. Какая-то симпатия с первого взгляда, что ли, черт его знает. Бывает ведь, и паук привяжется к человеку.

Проводив начальство, Кривенко вернулся и прошел прямо к его столику. Полунин, не вставая, лениво протянул руку.

– Ну что, гауптман¹⁰, поздравляю. Солдат, как говорится, спит, а служба идет? И чины набегают. Так, гляди, и до генерала дослужишься...

Кривенко горячо ответил на рукопожатие, даже в порыве чувств обхватил его ладонь обеими руками.

– Спасибо, Полунин, спасибо... мне очень приятно!

– Садись, выпьем.

– Водка? – Кривенко взял графин, понюхал. – Здешняя? Брось, это же моча, у меня там горячее классом выше... Федорчук! – гаркнул он, не оборачиваясь.

– Не надо, – сказал Полунин, – предпочитаю не смешивать.

Капитан мановением руки отпустил подскочившего ординарца и сел за столик. Они допили водку, поговорили о том о сем.

– Давай-ка выйдем на воздух, – предложил Полунин. – Накурено – дышать нечем.

Они прошли через темный танцевальный зал, вышли на балкон. Вечер был теплым, но в воздухе уже пахло осенью, шел мелкий дождь, и внизу, под фонарем, мокро поблескивали листья, словно вырезанные из желтой лакированной клеенки и расклеенные по асфальту. Полунин сел на перила, зацепившись носками туфель, откинулся назад, ловя лицом дождевую прохладу.

– Свалишься, осторожно, – сказал капитан. – Ты что, перебрал?

Полунин выпрямился.

– Кривенко, – сказал он неожиданно протрезвевшим голосом, – знаешь ты такую контору – ЦНА¹¹?

– ЦНА, – неуверенно повторил тот – Это по-испански, что ли?

– По-испански. А по-русски – «Национальное антикоммунистическое командование».

– Ах, зо-о-о, – протянул Кривенко. – Да, я о них слышал. Стороной, правда. Они что, имеют отношение к «Альянсе»¹²?

---

¹⁰ Hauptmann – капитан (нем.).

¹¹ «Comando Nacional Anticomunista» – «Национальное антикоммунистическое командование» (исп.).

¹² «Alianza Libertadora Nacionalista» (исп.) – «Националистический освободительный союз» – ультраправая террористическая организация в Аргентине, созданная в 1919 году для борьбы с рабочим движением.

– Это и есть «Альянса». Ее, так сказать, второе лицо. Скажи, капитан, тебе никогда не приходило в голову, что этот ваш знаменитый генерал просто старая задница?

Адъютант долго молчал.

– Слушай, Полунин, – сказал он наконец. – Я к тебе очень хорошо отношусь, не знаю даже почему. Ну, просто ты мне всегда казался стоящим мужиком, понимаешь? Так вот, я хочу предупредить, во избежание разных потом недоразумений генерала ты мне не трожь Ферштейн?

– А на хрен мне, пардон, твой генерал? Я его трогать не собираюсь, а мнение свое о нем высказал и могу повторить. Старая задница, понимаешь? Вы уже сколько лет в Аргентине? Пять, почти шесть, да? Великолепно! А дальше что, господин капитан? Никто из вас над этим простым вопросом не задумывался? Между прочим, Кривенко, ты скажи – если тебе этот разговор неприятен, я не настаиваю...

– Да нет, что ты, я же не в этом смысле! Давай уж поговорим, раз начали Ты к чему насчет этой «Альянсы» спросил?

– Так, вспомнил просто, – Полунин пожал плечами и достал сигареты. Кривенко предупредительно щелкнул зажигалкой – Я, в общем-то, не совсем понимаю вашего брата... Какая ни есть, а организация у вас налицо – кадры, руководство, дисциплина, все, как полагается. Ну а дальше что, я спрашиваю? Генерал ориентируется на американцев?

– Ну... скажем так, – неопределенно ответил Кривенко. На балконе, затененном от света уличных фонарей не совсем еще облетевшей кроной платана, было темно, но Полунин видел, что собеседник буквально сверлит его своими прищуренными гляделками.

– Да, он не так глуп, ваш старик. Что ему, в конце-то концов? Деньги у него есть, а активная политика уже потеряла привлекательность – ею он тоже сыт по горло... Тебе никогда не приходило в голову, что он и в Аргентину приехал просто для того, чтобы уйти на покой?

– Плохо ты его знаешь...

– Допустим, – согласился Полунин. – Не спорю, тем более что он никогда меня особенно и не интересовал, этот ваш Регенау. Меня больше интересуют такие люди, как ты.

– А именно?

– Тебе-то на покой рановато, а? Или решил жениться на аргентинке и открыть алмазен¹³? А что, тоже идея. Из аргентинок, говорят, получают хорошие жены. Знаешь, Кривенко, мне сейчас кажется, что ты просто трус, с адъютантами это бывает... можно сказать, профессиональное заболевание.

– Слушай, не надо так, – вкрадчиво сказал Кривенко, – некоторые шутки действуют мне на нервы...

– Нервы, брат, полагается лечить вовремя, – посоветовал Полунин и зевнул. – А то станешь импотентом, это тебе еще не по званию. – Потянувшись, он развел руки и снова откинулся назад, запрокинув голову и держась носками туфель за балконную решетку. – Смотри-ка, дождь перестал!

– Сядь ты как человек, еще свалишься. Не хватает, чтобы меня потом подозревали в убийстве, хе-хе-хе...

– Тебе это будет в новинку? – Полунин засмеялся, но с перил слез. – Так вот что, капитан. Я мог бы поговорить с его превосходительством, но у меня есть одна странность: не люблю генералов. Поэтому я говорю с тобой, а ты уж можешь потом о нашем разговоре доложить или не докладывать, как угодно. Каждый, как говорится, использует обстановку в меру своих умственных способностей. Ваша организация могла бы сотrudничать с ЦНА?

– В каком плане?

---

¹³ Алмасен – бакалейная лавка (исп.).

– Детали потом. Сейчас я хочу знать, возможно ли такое сотрудничество в принципе? Можем ли мы рассчитывать, что вы с ними сконтактируетесь?

– Слушай, ты кого представляешь? – быстро и негромко спросил Кривенко.

– Считаю, что никого. Считаю, что я просто наблюдатель... со стороны.

– Но с какой, Полуниин? – спросил Кривенко почти умоляюще.

– Что я не из Москвы, это ты, вероятно, и сам давно усек. А в остальные детали вдаваться не будем.

– Ты вот сказал – «можем ли мы рассчитывать». Как это понимать, «мы»?

– Да никакие не «мы», я просто оговорился. Не мы, а я! Я как частное лицо. Можешь ты ответить на мой вопрос?

– Как частному лицу? – переспросил Кривенко с ухмылкой.

– Именно. И не тяни резину, ты же военный человек, едрена мать!

– Так ведь, понимаешь... Вопрос-то сложный, тут с кондачка не ответишь...

– А я не заставляю тебя что-то обещать или заранее на что-то соглашаться, – Полуниин пожал плечами. – Меня пока твоё мнение интересует. Тебе самому такое сотрудничество кажется перспективным?

– Я бы, вообще, не прочь... но не думаю, чтоб генерал на это пошел. Видишь ли, он считает, что нам лучше пока не вмешиваться во внутренние дела Аргентины...

– Вот оно что! Умен его превосходительство, ничего не скажешь, умен, – Полуниин покачал головой. – Ну а ты, Кривенко, ты тоже считаешь, что борьба с коммунизмом – это всего лишь «внутреннее дело» той страны, где ты в данный момент находишься?

В его голосе прозвучала ирония, от которой капитану стало не по себе.

– Да нет, что ты, – торопливо заговорил он, – в этом смысле – нет, конечно, я все понимаю! Тут другое... это ведь нас может связать в какой-то степени, и если потом вдруг...

– Если вдруг явится фельдъегерь из Пентагона и вручит генералу пакет за пятью печатями? Успокойся, Кривенко, не явится. Не вручит. Ты хоть немного знаком с американской системой подготовки спецкадров?

Ответа на этот вопрос не последовало, Полуниин тоже помолчал и закурил новую сигарету – опять от капитанской зажигалки, молниеносно вылетевшей из кармана.

– Для твоей же пользы, Кривенко, – заговорил он негромко, – я хочу, чтобы ты понял простую вещь: американцам вы и ваш генерал нужны, как хорошая дырка в голове. Ты думаешь, почему вас загнали в Аргентину? Да просто потому, что дальше было некуда. Других-то они перевезли к себе в Штаты, чтобы иметь под рукой... разных там поляков, эстонцев и прочих. А вас – сюда! И еще скажи спасибо, что не в Патагонию, не на Огненную Землю... Нет, Кривенко, на американцев вам рассчитывать не приходится, вы ведь для них, скажем прямо, тоже не подарок. Знаешь, с кем они сейчас предпочитают иметь дело? С теми, кто во время войны – хотя бы формально – был на стороне союзников. Скажем, поляки-андерсовцы – что против них скажешь? Герои Монте-Кассино, солдаты демократии; вот они и сейчас «за демократию». Все последовательно. Или какие-нибудь там прибалты, или четники Драже Михайловича, – формально они все чисты, тут к ним не придерешься, это тебе не усташи какие-нибудь. А вы, Кривенко, дело совсем другое; вы – это «Зондерштаб Р», гестапо, СС. Да американцы просто побоятся иметь дело с вашим генералом, хоть он себе и придумал третью фамилию, английскую...

– Я что-то не пойму, к чему ты это все...

– К тому, что не надо быть лопухами, господин капитан. Вам и вашим людям посчастливилось не только уцелеть после поражения, но и попасть в страну, которая всю войну тайно помогала Германии, а сейчас числится среди союзников-победителей. Это редчайшая ситуация, капитан, но ни у кого из вас не хватает ума ее использовать. Действительно, вы все лопухи в этом вашем... «Суворовском союзе», или как там вы себя называете.

– Ну а если ближе к делу?

– Я тебе это и предлагаю, елки зеленые! Так ведь ты, адъютант, без его превосходительства и шагу не смеешь ступить... видите ли, «генерал не согласится», «генерал на это не пойдет», – да у тебя, черт возьми, своя голова есть или нет? Брось ты равняться на генерала, – я тебе сказал уже, генерал свое взял от жизни, чего ему еще теперь надо? Живет в спокойной стране, счет в банке есть, женат на красивой молодой бабе... его уже никаким риском не соблазнишь. Но ты-то – дело другое! Тебе нужно думать о своем будущем или нет? Или так и собираешься всю жизнь холуйствовать в адъютантах, покупки носить за пани Иреной? Ну, смотри, дело вкуса...

– Айн момент, – сказал Кривенко. – Ты, Полунин, не путай разные вещи. Я тебе сказал насчет генерала, когда ты спросил про организацию. Ты спросил, может ли «Суворовский союз» сотрудничать с этими аргентинцами, верно? На это я тебе ответил, что я не глава Союза и не могу решать такие вопросы. Если же ты говоришь обо мне лично... ну, или там о какой-то группе моих – лично моих – ребят, то это дело совсем другое. Тут мне не обязательно согласовывать это с генералом.

– Слава богу, разродился, – грубо сказал Полунин. – Именно это я и хотел знать, а как там вы будете решать между собой и что у тебя считается «организацией», а что – «группой лично твоих ребят», это меня меньше всего интересует. В общем, если хочешь, я тебя на днях сведу с одним человеком.

– Можно, – не очень решительно согласился Кривенко.

– Только ты вот что: будешь с ним говорить, не хмыкай и не пожимай плечами, там этого не любят. И вообще им нужны люди, способные действовать, а не ковырять в носу. Понял?

– Понял, так точно! – отчеканил адъютант.

– Запиши телефон, позвонишь мне завтра, часов в одиннадцать вечера...

Тяжелая, бронированная изнутри дверь штаб-квартиры «Национального антикоммунистического командования» явно была рассчитана и на психологический эффект. Этой же цели служила, по-видимому, и красная лампочка где-то сбоку, которая начала лихорадочно мигать, как только дверь захлопнулась за Полуниным. Верзила в голубой рубашке, с кольцом в расстегнутой кобуре, вырос перед ним, преграждая путь:

– Вам кто нужен?

– Мне? Мне нужен сеньор Гийермо Келли. Есть у вас такой?

– По какому вопросу?

Полунин подмигнул:

– Сожалею, дружище, государственный секрет! Вы лучше звякните там по своему интеркому, что к дону Гийермо прибыл человек из Монтевидео...

Охранник скрылся в телефонной будке, рядом с Полуниным тут же оказался другой, такого же роста.

– Солидная штука, – сказал Полунин, одобрительно разглядывая дверь. – Прямо как в Национальном банке. И часто вам тут приходится выдерживать осады?

– Выдержим, когда понадобится, – мрачно заверил верзила.

Его напарник вышел из кабины, глядя на Полунина подозрительно.

– Оружие есть?

– Не имею привычки носить с собой, даже в разобранном виде.

– Все равно придется вас обыскать, таково правило.

– Что ж, не могу отказать в этом удовольствии, только чтобы без щекотки – иначе, ребята, я за себя не ручаюсь...

Он балагурил, пытаясь заглушить ощущение опасности и замаскировать неуверенность, которая овладевала им все сильнее; по правде сказать, он уже почти жалел, что ввязался в

эту авантюру. Там, в безопасном Монтевидео, все казалось просто; сценарий был одобрен не только шалопутным Лагартихой (тот и сам готов лезть на рожон против чего угодно), но и доктором Морено, человеком солидным и рассудительным... Впрочем, что Морено? Он-то остается в стороне, Филипп правильно заметил: для старика это развлечение, своего рода шахматы; но каково быть пешкой? Да ведь его, в случае чего, отсюда и не выпустят – вон мордovorоты какие, придушат и глазом не моргнут...

– Послушайте, – сказал он, подставляя охраннику другой бок, – а вот такой у меня вопрос: неужто вы и дамочек так же? Райская у вас тут жизнь, че, прямо хоть самому сюда просись... Или дамы избегают вас посещать?

Не удостоив его ответом, охранник закончил поверхностный обыск, отошел к столу и нажал кнопку. Лампочка перестала мигать, а по лестнице спустился еще один синерубашечник.

– Проводи к соратнику Келли, – сказал тот, что обыскивал. – Вы, ступайте с ним! По пути не задерживаться, по сторонам не глазеть, ясно?

– Амиго, вы отстали от века, – доверительно отозвался Полунин. – У меня в каждой пуговице кинокамера кругового обзора. И все заряжены инфракрасной пленкой!

Весело насвистывая, он в сопровождении стража поднялся на третий этаж, миновал коридор с окрашенными в бурый цвет стенами, маленькую комнатку, где один синерубашечник крутил ручку ротатора, а другой пересчитывал пачки увязанных брошюр; потом еще коридор. У одной из дверей охранник велел Полунину остановиться и поправил пояс с кобурой. Постучавшись и получив ответ, он распахнул дверь и вскинул руку в фашистском приветствии:

– Бог и Родина! Соратник, к вам человек с первого поста!

– Пусть войдет, – послышалось изнутри.

Охранник посторонился, и Полунин вошел в небольшой кабинет. За письменным столом, спиной к окну, сидел худощавый, его возраста, человек, скорее европейского обличья – с бритым лицом и светлыми, расчесанными на косой пробор волосами.

– Очень рад – Келли, – представился блондин, протягивая руку Полунину. – Сеньор?..

– Мигель. Из Монтевидео, от доктора.

– Да-да, я понял... Прошу садиться, прошу. Курите?

– Спасибо...

Полунин сел, чуть отодвинув кресло от стола, закинул ногу на ногу и неторопливо закурил, разыгрывая этакого супермена. Самообладание, впрочем, и в самом деле вернулось; он даже удивился, заметив, что пальцы совершенно тверды, и не отказал себе в мальчишеском удовольствии продемонстрировать это хозяину кабинета, протянув зажигалку и ему. Так же бывало в маки – в последний момент, как бы перед тем ни волновался, всегда удавалось зажать нервы в кулак. Пустив к потолку длинную струю дыма, он огляделся с непринужденным видом. Широкое, ничем не занавешенное окно выходило на крыши с телевизионными антеннами, у одной стены стоял большой книжный шкаф, другую украшали три портрета: в центре – Пий XII в белой камилавке, а по сторонам – чуть ниже – Адольф Гитлер и Хуан Доминго Перон. Обстановка была подчеркнута спартанской.

Келли позвонил, из боковой двери тотчас же появилась кукольно хорошенькая девушка в очень тесной юбке и голубой, как и у охранников, форменной рубашке с белым галстуком и серебряным изображением распростершего крылья кондора – символом «Альянсы». Сам Келли был в обычном темном костюме, обязанность носить форму на руководство явно не распространялась.

– Пожалуйста, соратница, кофе, – сказал он. – И покрепче!

– Какая приятная неожиданность, – Полунин, улыбаясь, подмигнул в сторону двери, за которой скрылась соблазнительная синерубашечница. – Я думал, в ваш орден нет доступа женщинам... Представлял себе вас чем-то вроде тамплиеров, ха-ха-ха!

– Ошибка! – Келли тоже улыбнулся и предостерегающе поднял палец. – Это Морено говорил вам об ордене? Умный человек, но некоторые вещи от него ускользают. Орден, дон Мигель, это всегда нечто эзотерическое, замкнутое в узком кругу; мы же представляем собой движение. Движение, которое рано или поздно – я в это верю – объединит всех аргентинцев, независимо от их общественного положения, – всех, кому не безразлична судьба нации. Зачем же исключать женщин из этого числа? Сегодняшняя аргентинка, смею вас уверить, не хуже нас с вами понимает необходимость защищать вечные ценности христианской культуры, которым грозит все большая опасность как со стороны откровенно атеистического марксизма, так и со стороны растленной и лицемерной плутократии доллара. Кстати, учтите вот еще что: именно женщина – как воплощение консервативно-охранительного материнского начала – особенно болезненно ощущает малейшее неблагополучие в этой сфере... Ведь кто в первую очередь страдает от современного падения нравов, от алкоголизма и наркомании, от распада семейных связей? Опять же они, женщины. Нет-нет, дон Мигель, не следует недооценивать их политического потенциала, вспомните хотя бы историю... В принципе, любая из наших подруг может стать Жанной д'Арк – если судьба призовет...

Не прошло и пяти минут, как потенциальная Жанна д'Арк появилась снова, теперь уже с подносом в руках. Разлив кофе, соратница дона Гийермо Келли кокетливо улыбнулась Полунину и вышла, цокая острыми каблучками и раскачивая бедрами, как Мэрилин Монро в «Ниагаре».

– Итак, что нового за рубежом? – осведомился Келли небрежным тоном.

– Мне поручено передать вам, что в тамошней аргентинской колонии появилось несколько новых лиц, – сказал Полуниин. – В основном студенты, из университетов Кордовы, Буэнос-Айреса и Ла-Платы.

– Такая информация должна скорее интересовать органы федеральной полиции, – заметил Келли. – Не понимаю, почему Морено направил вас ко мне.

– Это не просто эмигранты, – возразил Полуниин и отпил из своей чашечки. – Соратница умеет варить кофе, поздравляю.

– Спасибо. Дело еще и в сорте – настоящий «Оуро Верде», мне его присылают прямо из Сан-Паулу. Что вы хотите сказать, «не просто эмигранты»?

– Видите ли... Морено считает, что это первый случай появления коммунистов в среде студенческой оппозиции. До сих пор там преобладали католики справа и анархо-синдикалисты слева... если не считать троцкистов.

Келли молча допил кофе и налил себе еще.

– Будьте как дома, дон Мигель, наливайте себе сами. Почему Морено считает, что теперь коммунисты действительно появились?

– Это установлено.

– Кем?

– Ну... – Полуниин пожал плечами. – Скажем, мною!

Келли опять помолчал.

– А если расшифровать? – спросил он, улыбаясь.

Полуниин тоже улыбнулся.

– Не надо пока... расшифровывать, – сказал он убеждающе.

Они сидели, смотрели друг на друга через стол и широко улыбались – словно два старых приятеля, которые встретились после долгой разлуки и еще не нашли слов, чтобы выразить радость этой встречи. Потом Келли начал смеяться, все громче и громче; словно заразившись смехом, захохотал наконец и Полуниин.

– Довольно! – заорал вдруг Келли и грохнул кулаком по столу; случайно или нарочно, рука его сдвинула при этом беспорядочно нагроможденные бумаги, и из-под них высунулось черное рыльце кольта. – Вы что, загадки сюда пришли загадывать?

Полунин перестал смеяться не сразу.

– Спокойно, спокойно, – сказал он, утирая глаза платком. – Не хотите мне верить – не надо. Я не настаиваю! Только послушайте совета: не держите на столе эту дрянь, если у вас не в порядке нервы. Пистолет не новый, вон, на конце ствола даже воронение стерто, – значит, до вас он мог побывать во многих руках; вы уверены, что у него не подпилено шептало? Некоторые идиоты подпиливают, особый гангстерский шик – чтобы спуск срабатывал от легчайшего прикосновения. Я вот помню случай с одним неврастеником – тоже так стукнул кулаком по столу, а пистолет от сотрясения выстрелил. Зачем рисковать?

Келли выгреб из-под бумаг кольт и сунул его в ящик.

– Он был на предохранителе. Извините, я погорячился, но так разговор не пойдет – я должен знать, с кем имею дело.

Полунин, глянув на него изумленно, допил кофе.

– Дело? Мы с вами никаких дел не имеем и, надо полагать, иметь не будем. Я пришел передать вам информацию, которую мы с Морено сочли нужным довести до вашего сведения. Что я, прошусь к вам на службу? Или жду денежного вознаграждения? Очень жаль, сеньор Келли, но так, пожалуй, разговор действительно не пойдет.

– Хорошо, я же сказал – я погорячился, – повторил Келли и снова наполнил его чашку.

Но теперь горячиться начал Полунин:

– Какого черта, в самом деле! Там, внизу, меня лапает какой-то кретин, ищет оружие, дает идиотские указания: «не задерживаться, не смотреть по сторонам», – на чем воспитываются ваши кадры, хотел бы я знать, на комиксах? А здесь вы начинаете на меня орать, стучать по столу... Да будь я трижды проклят! Единственное, что меня примиряет с увиденным здесь, это ваша секретарша. Можно ее телефон?

Келли опять заулыбался, видя, что инцидент исчерпан.

– Сожалею, дон Мигель. Она, как бы это сказать, заангажирована.

– Надолго?

– В общем, да. Итак, дон Мигель, продолжим, если вы не возражаете. Так что там с этими коммунистами? Чём они заняты?

– Налаживают контакты. Собственно, доктора это и беспокоит. Вы ведь понимаете, что, если здешние красные решат – и сумеют – всерьез сконтактироваться с католиками, сеньору президенту останется только упаковывать чемоданы...

– Не нужно смотреть так мрачно.

– Смотреть нужно трезво. Католики – это вооруженные силы, прежде всего флот и авиация. Ну а коммунисты – это, как вам известно, народ.

– Не всякие. Коммунисты из аудиторий не имеют с народом ничего общего, – возразил Келли. – Вы когда-нибудь видели студента из рабочей семьи? Или из семьи арендатора?

– Тут вы правы, – кивнул Полунин. – Я ведь не случайно сказал: если они решат сконтактироваться всерьез; пока это не серьезно. Но это уже симптом, и довольно тревожный.

– Допустим. Что предлагает Морено?

– Держать глаза хорошо открытыми. Разумеется, никаких акций... чтобы не спугнуть птичек раньше времени. Это первое. Второе – доктор считает, что в свете того, о чем мы сейчас говорили, хорошо бы немного придержать ваших ребят.

– Что он имеет в виду?

– Ну, все эти мелкие акции, – пренебрежительно сказал Полунин, снова закуривая. – Газеты в Монтевидео пишут об этом чуть ли не каждый день... раздувая, естественно, антиаргентинскую истерику еще больше. То избиение какого-то синдикального делегата¹⁴, то налет на

---

¹⁴ Синдикатами в Аргентине называют профсоюзы. Делегат в данном случае – представитель профсоюза на предприятии.

помещение ячейки, словом в этом роде. Доктор не уверен, что это целесообразно. Булавочные уколы, которые приводят только к озлоблению...

– Понимаю его мысль, – прервал Келли. – Но не забывайте, нам приходится думать и о практической тренировке наших кадров. Если они будут сидеть сложа руки, толку от них не дождешься. В конце концов СА в Германии тоже начинали с уличных драк.

– Возможно, вы правы, – сказал Полунин. – Просто доктор Морено считает, что вряд ли есть смысл обострять отношения с рабочими, когда обстановка в стране и без того достаточно напряжена.

– Понимаю, понимаю, – повторил Келли. – Что ж, я доведу его мнение до сведения руководства. Итак, эти красные там, в Монтевидео, – кто это, конкретно? У вас есть имена?

Полунин поднял два пальца.

– Наиболее активные, – сказал он, – Освальдо Лагартиха и Рамон Беренгер. Тот и другой – студенты.

– Юристы, надо полагать? – поинтересовался Келли, записывая имена в настольном блокноте.

– Да, оба. То ли с третьего курса, то ли с четвертого.

Келли усмехнулся.

– Вам не приходилось, дон Мигель, видеть в рабочих пригородах на стенах старые лозунги: «Будь патриотом – убей студента»? Я недавно видел, в Нуэва Чикаго. Старый, краска совсем выцвела, это писали в конце сороковых. Конечно, экстремизм, но нельзя отрицать, что тут есть здоровое зерно. Боюсь, они нам еще доставят немало хлопот, все эти леворадикальные сеньоритос... которых не устраивает капитализм, но очень устраивают чековые книжки папочек-капиталистов. Знаете, дон Мигель, когда о мировой революции говорит рабочий, мне это понятно; более того, даже когда он не говорит, а действует, когда он становится моим активным врагом – я могу понять логику его поступков, могу испытывать к нему известное уважение. Если понадобится, я буду в него стрелять, так же как и он в меня, тут все просто и честно. Но вот эта мразь... которая приезжает на митинг в собственном «кадиллаке» – причем предусмотрительно оставляет его подальше за углом! – а потом взбирается на трибуну и начинает орать о несправедливости буржуазного общества, это вообще не человек. Это взбесившаяся вошь, которую надо давить. И самое смешное, что этим рано или поздно займутся сами рабочие, вот увидите... Ладно, мы проверим местные связи ваших студюзов.

– Кстати, по этому поводу, – сказал Полунин. – Доктор настоятельно рекомендует осторожность. Дело в том, что Лагартиха периодически появляется в Буэнос-Айресе...

– Он что, курьер?

– Вряд ли. Я думаю, его функции шире. Как бы то ни было, он может снова очутиться здесь в любой момент. Мы, естественно, постараемся вовремя вас предупредить: тогда можно будет хотя бы засечь его здешние контакты, выявить явки, адреса. Но если поднять тревогу преждевременно, нить может оборваться. Тут важно не спугнуть птичек.

– Уж это-то я понимаю, – буркнул Келли. – Никто не собирается вламываться с обысками к их родным... Речь пойдет только о наблюдении. Передайте Морено, что мне нужны фотографии.

– О! Чуть не забыл...

Полунин достал бумажник, порылся в нем и протянул Келли отрезок восьмимиллиметровой киноплёнки.

– Они здесь оба, порознь и вместе. Лагартиха – это который повыше.

Келли разыскал среди бумаг большую лупу и, повернувшись со своим вращающимся креслом к окну, принялся изучать кадры.

– Обратите внимание на тот, что снят перед Паласио Сальво, – сказал Полунин. – Шестой, если не ошибаюсь. Лагартиха там с девушкой...

– Шестой сверху или шестой снизу? А-а, вижу. Сальво есть, но девушки пока... Вы хотите сказать – рядом с ним?

– Да, просто она в брюках.

– Ах, вот что... поди тут разбери. Тоже из их компании?

– Нет, это наша. Ее посадили к Лагартихе.

– Посадили? – Келли усмехнулся, взглядываясь внимательнее. – В таких случаях, амиго, обычно подкладывают.

– Ну, знаете, это уж ее дело – выбирать тактику. Я не стал бы связываться с агентом, который нуждается в подобного рода подсказках...

– Кто она, если не секрет?

– Немка, баронесса фон Штейнхауфен. В Уругвае с бельгийским паспортом... фамилию пришлось слегка подправить, получилось «ван Стеенховен».

– Морено, я вижу, времени даром не теряет. Умный старик, хотя и не без заскоков... – Келли повернулся к столу, нажал кнопку. Когда вошла «соратница», он протянул ей пленку. – В фотолaborаторию, пожалуйста. Обычные отпечатки для архива, а портреты пусть сделают шесть на девять – экземпляров по двадцать. Скажите, чтобы хорошо подобрали бумагу, мне нужна предельная четкость изображения.

– Немка, говорите, – задумчиво сказал он, когда секретарша вышла. – Гм... интересно, где он ее раздобыл. Представить себе Морено с немцами...

Горячо, подумал Полуниин. Совсем горячо! А, была не была...

– Ну, баронессу-то раздобыли мы, – сказал он. – К доктору она отношения не имеет, это наши особые каналы. Но почему вы считаете, что у него не может быть контактов с немцами?

– Деловые контакты у него есть, в Западной Германии. А здешних немцев он ненавидит как чуму... И не без оснований, будем уж откровенны, – добавил Келли. – Но, конечно, личные наши симпатии...

Полуниин, заинтересованный еще больше, подождал конца фразы – и не дождался.

– В том-то и дело, – сказал он осторожно. – Иногда для пользы дела с кем только не приходится... Поэтому я не удивился бы, узнав, что доктор решил поближе познакомиться с немецкой колонией, последнее время его заметно беспокоит проблема иностранцев.

– Что вы имеете в виду?

– Посудите сами – кого только не понаехало сюда за десять послевоенных лет...

– Наша традиционная политика, – Келли пожал плечами. – Не забывайте, Аргентина создана иммигрантами. Они и до войны ехали.

– Верно, и все же есть существенная разница. До войны ехали в поисках работы, в поисках свободной земли для колонизации, эти иммигранты хлопот не доставляли. А после сорок пятого года сюда хлынули политические беженцы, или, скажем точнее, люди, ставшие беженцами в силу политических факторов. Это несколько меняет картину, вы согласны? Мы тут как-то говорили с доктором о русских... Я ведь, кстати, и сам русский...

– Вот как, – в голосе Келли прозвучало замешательство. – Я-то сразу понял, что вы, не местный уроженец, но... Белый русский, надо полагать?

– Не красный же, каррамба!

– Разумеется, разумеется... Так что вы начали говорить о русской колонии?

– Ну, это как пример. Дело не только в русских, есть еще поляки, прибалты, балканцы – огромное количество выходцев из Восточной Европы, людей совершенно загадочных, о которых никто ничего толком не знает. Доктор считает это серьезным упущением – оставлять их без надлежащего контроля. Особенно, конечно, русских... по вполне понятным причинам. Не мешало бы, скажем, иметь хотя бы приблизительную картину их настроений, разновидностей политической ориентации, ну и так далее.

– В принципе он прав, – согласился Келли. – Но это не так просто осуществить.

– Простите, не вижу никакой проблемы. Несколько хороших информаторов, и вы всегда будете в курсе.

– Да, но... Хорошие информаторы, дон Мигель, на улице не валяются.

– Вероятно, дон Гийермо, вы их просто не искали.

Келли помолчал, поиграл лупой, переложил на столе бумаги.

– Хотите предложить свои услуги? – спросил он поскуцневшим голосом.

– Кто, я? – Полуниин от души рассмеялся.

– А почему бы и нет, собственно? Я понимаю, что вы не станете сами бегать и вынюхивать по углам, – речь идет о создании агентуры...

– Увольте, амиго, – Полуниин допил остывший кофе и снова закурил, непринужденно откинувшись на спинку кресла. – Я работаю в несколько ином плане... И в иных масштабах, если уж быть откровенным до конца.

– Ну, знаете, насчет откровенности...

– Что делать, дон Гийермо, в нашей профессии есть свои правила игры. Я ведь тоже знаю о вас далеко не все, а односторонняя откровенность здесь неуместна. Впрочем, некоторую информацию обо мне – в разумных границах, естественно, – вы можете в любой момент получить от доктора. Вы ведь, кажется, время от времени посещаете Монтевидео?

– Да, посещаю, – рассеянно отозвался Келли. – Вернее, посещал. Последнее время приходится избегать мест, где слишком много наших эмигрантов... вроде вот этих двоих. Скажите, а вы вообще живете в Уругвае или здесь?

– Здесь.

– Давно?

– Почти восемь лет – с весны сорок седьмого.

– Все время в федеральной столице?

– Да, большей частью.

– И... чем же вы здесь занимаетесь?

– Я специалист по радиоаппаратуре и некоторым видам телефонии. Словом, слаботочная электротехника.

– Работаете в какой-нибудь фирме?

– Да я их уж много переменил – «Панасоник», «Радио Спленидид», «Вебстер Архентина». Одно время имел маленькую собственную мастерскую по ремонту приемников.

– Почему «имели»?

– Продал, ну ее к черту. Слишком хлопотно.

– Зато какое надежное прикрытие! Да, жаль, дон Мигель, что вы не хотите нам помочь...

– Почему не хочу? – Полуниин пожал плечами. – Я сказал, что не могу снабжать вас нужной информацией, и этого я действительно не могу. Но я, если хотите, могу познакомить вас с человеком, который вполне годится для такой работы.

Келли помолчал, глядя на него задумчиво.

– Он вполне надежен?

– Вполне надежных людей нет, дон Гийермо, уж вы-то должны это знать. Но человек, о котором я говорю, служил в войсках СС.

– О, даже так... И он тоже русский?

– Во всяком случае, носит русскую фамилию и разговаривает по-русски.

– Великолепно. В делах колонии ориентируется?

– Надо полагать... если живет в ней. К тому же он не один, с ним тут группа единомышленников... соратников, если хотите. Слушаются его, как новобранцы капрала. Впрочем, там и в самом деле сохранилась еще немецкая армейская дисциплина.

– Слушайте, да это прямо находка, – недоверчиво сказал Келли. – И вы уверены, что он согласится работать с нами?

- Да, если я ему... посоветую.
- Непременно, непременно... посоветуйте, ха-ха! Пусть приходит прямо сюда. Надеюсь, он говорит по-кастильски?
- Во всяком случае, вы друг друга поймете. Хорошо, я его к вам пришлю...

Глава третья

В среду Полунин встретился с Кривенко и дал ему окончательные инструкции. С делами было покончено, обратный билет в Монтевидео он взял на воскресный вечерний рейс; остаток недели он мог провести с Дуняшей.

Жила она в небольшом немецком пансионе на улице Крамер, в Бельграно. Пока электричка с грохотом пересчитывала мосты, проносясь по виадукам мимо парка Палермо, он снова попытался разобраться в их отношениях, и снова из этого ничего не вышло. Впрочем, может, тут и разбираться было нечего; вся эта история могла выглядеть и очень сложной и очень простой – все зависело от точки зрения.

Вероятно, они все-таки по-настоящему любили друг друга, во всяком случае им было хорошо вместе, и даже ссоры – а ссориться Дуняша умела – обычно не приводили к долгим размолвкам. В то же время, надо полагать, она продолжала любить и своего «мистического супруга», хотя иногда под настроение ругала его на трех языках и кричала, что не пустит и на порог, пусть только посмеет теперь явиться, крапюль¹⁵. Но что будет, если злосчастный крапюль вернется и в самом деле, Полунин представить себе не мог совершенно.

Судя по тому, что она о нем рассказывала, Ладушка Новосильцев был действительно человеком без царя в голове. Родившийся, как и Дуняша, во Франции, он кое-как доучился до бакалавра, безуспешно пытался поступать в разные институты и наконец окончил какие-то коммерческие курсы, где готовили то ли коммивояжеров высшего класса, то ли специалистов по изучению рынка, то ли просто шарлатанов. Получив диплом, Ладушка почувствовал себя таким конкистадором, немедленно женился на своей бывшей однокласснице и, прихватив юную супругу, ринулся завоевывать Южную Америку.

Какой-то умник рассказал им в Париже, что на аргентинцев безотказно действует внешний блеск, – если, мол, человек там хочет добиться успеха, он должен уметь пускать пыль в глаза. Чего-чего, а этого умения Ладушке было не занимать. Обобрава родственников, он одел жену как картинку, сшил себе два модных костюма, купил дюжину итальянских галстуков натурального шелка; по прибытии в Буэнос-Айрес они сняли двухкомнатный люкс в «Альвеар-Паласе». Ровно через неделю им пришлось перебраться в дешевый пансион возле самого порта, а еще через десять дней Дуняша продала свои парижские туалеты и пошла работать на кондитерскую фабрику. Супруг ее сидел тем временем дома и вел телефонные переговоры с разными фирмами.

В конце концов, правда, он тоже пошел работать, но и это получилось у него не по-людски. Единственное, что он умел делать действительно хорошо, это водить машину; поработав несколько месяцев на грузовике, Ладушка впал в меланхолию и стал говорить о загубленной жизни. И тут ему в одном баре встретился какой-то местный прохиндей, набравший добровольцев в труппу «адских водителей» для гонок с опасными трюками. С этим прохиндеем Ладушка и исчез из жизни своей супруги. Впрочем, год спустя он написал ей откуда-то из Эквадора, что труппа распалась, а сам он «уже почти создал» фирму по экспорту бальсовой древесины, и скоро все будет хорошо. Это письмо было последним.

А сама Дуняша на фабрике не задержалась. Скоро ее устроили в художественную мастерскую – разрисовывать абажуры; потом она занималась росписью тканей, потом познакомилась с одной русской из Вены – та была художником-дизайнером, создавала модели ювелирных изделий. Увидев Дуняшины рисунки, венка взяла ее к себе в ученицы. Теперь, вот уже больше года, Дуняша работала самостоятельно. Полунин в этом ничего не понимал, но ее фантазии

---

¹⁵ Crapule – негодяй (фр.).

были красивы и необычны. Он думал иногда, что эта странная, словно выдуманная профессия подходит ей как нельзя лучше – Дуняша ведь и сама была какая-то немного приснившаяся...

Здание пансиона стояло в глубине большого сада, вороха желтых шуршащих листьев завалили дорожку. День был ясный, солнечный, но прохладный и весь словно притихший. «Нужно куда-нибудь уехать до воскресенья», – решил Полунин, идя к дому.

Фрау Глокнер, хозяйка, встретила его в холле подозрительным взглядом и нехотя ответила, что да, фрау Новозильцефф у Себя в комнате, aber... Что «но», Полунин дослушивать не стал; скорее всего, старая ведьма опять стала бы напоминать ему о репутации своего заведения.

Когда он вошел, Дуняша не повернула головы. Она сидела за своим рабочим столом, у окна, в халатике и непричесанная, как-то ужасно по-бабьи подперев ладонью щеку.

– Здравствуй, – сказала она, не оборачиваясь, своим низковатым певучим голосом. – Это ведь ты, да? Я по шагам узнала. Ты меня поцелуй куда-нибудь, ну хоть в макушку, только в лицо не заглядывай, я нехороша нынче. И извини, что голая сижу, лень одеваться...

Полунин подошел, поцеловал, как было велено, и положил руки ей на плечи.

– Может быть, все-таки загляну?

– Ох нет, правда, не нужно. Ну, или смотри, только я глаза закрою...

Он посмотрел и поцеловал в нос, потом в крепко зажмуренные глаза.

– Выдумываешь, Евдокия, – сказал он, – такая же ты, как всегда.

– Не выдумываю вовсе, просто ты в глаза мне не посмотрел, ну и слава богу. Ты когда вернулся?

– В воскресенье. А что у тебя с глазами?

– Все-таки ты монстр, один настоящий монстр, приехал в воскресенье и до сих пор таился! А с глазами ничего, просто у меня настроение скверное, и я не хочу, чтобы ты видел.

– Что-нибудь случилось?

– Да нет, так просто...

– Я в воскресенье тебе звонил, несколько раз.

– Правда? А я в Оливос ездила, к Тамарцевым. У них такое делается! Получили аффидэйт¹⁶ из Штатов и теперь не знают, как быть. Серж говорит – из Аргентины надо уезжать, скоро здесь будет революция, а Мари не хочет. Здесь, говорит, я хоть за детей спокойна, а там из них сделают гангстеров. Показывала «Новое русское слово» – действительно, один страх! Убивают «прямо среди бела дня». В общем, расстроилась я ужасно. И вообще все как-то плохо. Осень вот, видишь...

– Ну и что? Отличный день, можно куда-нибудь поехать.

– Да, но в Париже сейчас весна, – сказала она с упреком, словно он нес за это личную ответственность. – Я осень люблю, но мне от нее грустно. И потом я имею два неосуществимых желания.

– Каких?

– Во-первых, плюнуть на голову мадам Глокнэр...

– За что? – спросил он озадаченно.

– Просто так. Уверена, она там у себя в Германии была содержательницей борделя. Ненавижу!

– Но что она тебе сделала?

– Что сделала, что сделала! – Дуняша пожала плечиками. – Как будто обязательно нужно, чтобы тебе что-то сделали. Она смотрит на меня такими глазами... словно подозревает в семи смертных грехах.

– На меня она посмотрела так же, – успокоил Полунин.

---

¹⁶ Affidavit – поручительство, дающее право на въезд в страну (англ.).

– Вот видишь! И ты не плюнул ей на голову? Ну конечно, где тебе, ты слишком рациональный!

– Вероятно. А второе желание?

– Второе... да нет, ты будешь смеяться. Ты ведь просто не поймешь, я знаю! Ты хоть когда-нибудь меня понимал?

– Нет, но все-таки?

– Ну, хорошо, пожалуйста, могу сказать. Я бы хотела сделаться обезьяной, *voilà*.

Полунин немного помолчал, – Дуняшины желания иной раз и в самом деле было трудно предвидеть, и на человека неподготовленного они действовали сильно.

– Но почему именно обезьяной? – спросил он наконец.

– Понимаешь, собакой – это не очень-то эстетично, а обезьяны, они живут на деревьях, и вообще...

– Думаешь, они очень эстетичны?

– Ну, я не говорю про тех, у кого фиолетовые попки. Есть же приличные меховые обезьяны, у которых все прикрыто? Просто, понимаешь, животные гораздо лучше людей. Я в то воскресенье с батюшкой ужасно поругалась – специально после обедни к нему подошла, чтобы поговорить насчет бессмертной души у животных. Он мне потом говорит: «Недаром вас в алтарь не пускают». Тоже логика, правда? Все-таки попы ужасными бывают обскурантами, Вольтер был прав.

– А что, у животных есть бессмертная душа?

– Именно это я и хотела выяснить! Сент-Огюстен считал, что есть – коллективная. Не представляю, как они устраиваются на том свете. Что-нибудь вроде колхоза? А может; это и не Огюстен говорил, а Тертюллиан или Орижен, их было столько, этих отцов церкви, разве упомянешь. В коллеже для меня уроки религии были не обязательны, я числилась как схизматичка...

– Схизматичка?

– Ну да, православные для них все схизматики. Очень было удобно. *Dis-donc*¹⁷, а что ты там делаешь, в этом Уругвае?

– А я, видишь ли, поступил работать в одну экспедицию. Сейчас она перебазирована в Парагвай, а я вот сюда вырвался... купить кое-какое оборудование.

– Они ищут каучук?

– Да нет, это этнографы, изучают жизнь индейских племен.

Дуняша изумленно выгнула брови.

– Но при чем тут ты?

– У них много звукозаписывающей аппаратуры, довольно сложной.

– А-а. Кстати, ты и меня мог бы когда-нибудь записать, все-таки интересно. Ты уже позавтракал?

– Да, мне нужно было встретиться с одним типом. Между прочим, Дуня...

– Да?

Полунин подумал.

– Слушай, тут одно довольно деликатное дело. Среди твоих знакомых в колонии есть сплетницы?

– Ба! Все решительно. Особенно княгиня. А что?

– Ты знаешь Кривенко, адъютанта Хольмстона?

– Еще бы! – Дуняша сделала гримаску. – Абсолютно отвратный тип. По-русски так говорится?

– Как?

– Отвратный!

---

¹⁷ Скажи-ка (фр.).

– Лучше сказать – отвратительный. Так вот, понимаешь, этот Кривенко связан с аргентинской политической полицией...

– О! В каком смысле – связан? Он что, мушар?

– Он просто доносчик и шпион.

– Ну да, я ж и говорю. Но какая сволочь, а? И что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Об этом надо намекнуть двум-трем сплетницам, и люди начнут его сторониться.

– Его и так сторонятся, – пренебрежительно сказала Дуняша. – Но я могу намекнуть, мне-то что.

– Только учти – это не должно исходить от меня.

– Почему?

– А иначе Кривенко перестанет мне доверять. Сейчас-то он не догадывается, что я знаю о его работе в полиции.

– Тебе так нужно доверие этого salaud¹⁸?

– Конечно, – сказал Полунин. – Неужели не понимаешь? Он думает, что за всеми следит, а на самом деле я буду следить за ним, – ловко? Ты бы хоть причесалась, Евдокия.

– Тебе не нравится? – Она откинулась назад вместе со стулом, балансируя на задних ножках, и, повернув голову, посмотрелась в туалетное зеркало. – Да, верно, я совсем ведьма, ужасно хлопотно с этими волосами. Хорошо бы остричься, сейчас некоторые начинают носить совсем коротко – прямо одна зависть...

Дуняша вздохнула, поднялась из-за стола и направилась к зеркалу. Полунин взял ее за плечи, повернул к себе.

– Скучала?

– Немножко. Глупый, как ты можешь спрашивать такие вещи? Обними меня по-настоящему...

Полунин так и сделал. Волною жара окатило его, когда он ощутил в ладонях ее гибкое литое тело, когда почувствовал, как под пальцами скользнула по коже тонкая ткань халатика.

– А ты скучал по мне?

– Еще как...

– Всегда, всегда? Очень-очень?

– Очень, но не всегда. У меня не всегда было время скучать, даже по тебе...

Он прижал ее крепче, ее треугольное большеглазое личико запрокинулось, стало бледнеть. Рука его отстегнула пуговку, другую, нетерпеливо смяла легкую ткань. Дуняша зябко поежилась и дрогнула, когда его пальцы медленно спустились по ложбинке вдоль позвоночника, щекотной лаской тронули выгнувшуюся под их прикосновением поясницу.

– Опомнись, что ты делаешь, – шепнула она с закрытыми глазами. – Вдруг кто-нибудь в окно... Ужасно у тебя ладони приятные, холодные такие... ох, милый...

– А ты вся словно отполированная и теплая. Только местами вдруг прохладная... Настоящая репка.

– Что, что?

– Я говорю, совсем как свежая репка, понимаешь, круглая и прохладная...

– Бесстыдник, – нараспев сказала она с нежным упреком. – Слушай, я тогда ответила «немножко, но это неправда, я по тебе ужасно-ужасно соскучилась – мы ведь так давно не были вместе! Ты вот меня сейчас только погладил, и у меня уже в голове все кружится, а послушай, что с сердцем...

– Дуня... – шепнул он.

– Да, милый...

– Я запру дверь, хорошо?

---

¹⁸ Подонка (фр.).

– Нет! – испуганно закричала Дуняша. – Нет-нет, ради бога, не нужно меня сейчас соблазнять, здесь нам нельзя ни в коем случае, абсолютно исключено...

– Но почему?

– Ах, это все эта ужасная мадам Глокнэр – я ведь непременно вспомню о ней в самый неподходящий момент! И потом уже все время будет казаться, что эта мегера подслушивает под дверью... что за удовольствие, если боишься шевельнуться! А если поехать куда-нибудь?

– Знаешь, я и сам об этом думал – до воскресенья мне здесь делать нечего. Ты как?

– О, с этим я никогда не имею проблемы, тем более что сейчас у меня нет ничего срочного. В понедельник обещала сдать один рисунок для Гутмана, но он уже почти готов. Правда, поедем. Хочу в пампасы!

– Куда именно?

– Куда угодно, ты же знаешь, я обожаю степь. В какой-нибудь маленький-маленький городок, только чтобы был отель и номер с большой-большой кроватью... Ох, слушай, ну что ты делаешь, пожалей меня, я ведь тоже не из дерева... убери свои руки, я тебя умоляю, иначе я просто не знаю, что будет!

– А я вот знаю, – шепнул он ей на ухо и куснул краешек маленькой розовой мочки.

Дуняша обморочно ахнула, тело ее на мгновение отяжелело в его руках, словно у нее подломились колени; но тут же она замотала головой и стала вырываться, упираясь ладонями ему в грудь.

– Пусти, пусти, ты просто с ума сошел... ну как ты не понимаешь, неужели ты думаешь, что мне и самой не хочется... Знаешь, я лучше оденусь. Иди сядь за стол, можешь любоваться моими новыми бижу, только не оглядывайся...

Он вздохнул и покорно отошел. Дуняшин рабочий стол был, как всегда, в диком беспорядке – книги с обрывками бумажек между страницами, кисти, карандаши, выдавленные и непечатые тюбики темперы, фарфоровые блюдечки с засохшей краской, небольшие – размером с открытку – листки угольно-черного ватмана, какие-то проволочные модельки, похожие на латунных и алюминиевых паучков.

– Не понимаю, Евдокия, как можно работать в таком ералаше, – сказал Полунин. – Ты хоть иногда здесь убираешь?

– Ах, это совершенно бесполезно, я уже убедилась...

Он взял черный листок, на котором тонким белым карандашом была вычерчена причудливая паутиная конструкция, напоминающая схему галактической спирали, повертел так и этак, пытаясь определить верх или низ.

– Что это? – спросил он, не оборачиваясь, и показал рисунок через плечо.

– Не вижу... А-а! Это будет такой клипс – платина и мелкие бриллианты. Но какие есть дуры! Вчера приходит одна, я ей показываю этот кроки, так она говорит, ах, как мило, это нужно решать в золоте. Ты представляешь?

– А что, в золоте нельзя?

– Mais non¹⁹! Ведь это понятно всякому – здесь не должно быть никакого цвета, кроме натуральной игры камней. А золото – желтый, один самый интенсивный цвет, он убил бы весь замысел, – это же чистая абстракция, ты видишь! Здесь может быть только белый металл, абсолютно холодный, как это сказать – бесстрастный. Платина или палладий.

– Да, целая премудрость, – Полунин покачал головой – Сколько может стоить такая штука?

– Понятия не имею. Сто тысяч? Это ведь зависит от размера, от веса, от качества камней... У меня произвольный масштаб, в металле эти штуки можно увеличивать или уменьшать как угодно.

---

¹⁹ Да нет же! (фр.).

- Уменьшать, Евдокия.
- Прости?
- Я говорю – «уменьшать», а не «уменьшивать».
- А-а... спасибо тебе, ты такой ужасно внимательный. Самое смешное, что я не видела в металле ни одной своей работы, представляешь?
- Почему, разве их не выставляют на витринах?
- На витринах? – Дуняша рассмеялась. – Мишель, ты ужасный чудак. Я ведь делаю эксклюзивные модели, а не прототипы для серии! Понимаешь, какая-нибудь мадам миллионерша приезжает в магазин, ей показывают рисунки, она выбирает. И эта штука выполняется для нее в одном-единственном экземпляре! А рисунок ей потом присылают вместе с готовой вещью...
- Полунин рассмеялся:
- Ведь перед этим его можно сфотографировать?
- Если фирме плевать на свою репутацию – конечно, но таких фирм не бывает. Мишель, поди сюда, застегни мне на спине, опять эта молния... Мерси... нет-нет, пожалуйста, я же просила... Скажи, у вас в экспедиции есть женщины?
- Одна недавно появилась, переводчица.
- Молодая?
- Твоего возраста или чуть моложе. Лет двадцать.
- О, пожалуйста, можешь не флаттировать²⁰, мой дорогой! Мне уже двадцать пять, и я этого не скрываю... как некоторые. Она что, интересная?
- Кто? – рассеянно переспросил Полунин.
- Ну, эта твоя переводчица!
- Ничего особенного. Обычная современная девица, скорее мальчишеского вида, коротко остриженная, в очках.
- Ненавижу короткие прически, – решительно объявила Дуняша. – И еще очки? Ха-ха, воображаю. Отвратительная драная кошка!
- Да нет, почему же драная?
- Еще бы ты ее не защищал. Еще бы! Воображаю, как она там ходит вокруг тебя на задних лапах, одна такая тварь... Как ее зовут, кстати?
- Астрид, она бельгийка. И вокруг меня она ни на каких лапах не ходит, ни на задних, ни на передних, потому что она с первого дня положила глаз на нашего шефа.
- Это меня не удивляет, они все такие...
- Расчесав волосы, Дуняша свернула их на затылке свободным узлом, задумчиво погляделась в зеркало и слегка тронула губы помадой.
- Ярче не буду, – объявила она решительно, – пусть хоть считают голой! Это у меня недавно был случай: принесла рисунки в «Мэппин энд Уэбб», сижу, жду. А пришла я с ненакрашенными губами – ужасно торопилась, забыла. И вдруг одна их служащая приглашает меня в дамскую комнату, подводит к зеркалу и дает rouge^{21*}. «Мадемуазель, – говорит, – вы иностранка, не правда ли? Я вам должна дать совет: здесь у нас женщине неприлично появляться в общественном месте без макияжа, это все равно, как если бы вы вышли на улицу дезабильте...» Воображаешь? Я покраснела ужасно, готова была провалиться через все этажи, прямо в погреб – или что там у них внизу...
- Вообще-то тебе лучше не краситься, – заметил Полунин.
- Что делать, если так принято. Конечно, у нас во Франции тоже красятся, но больше пожилые, а в моем возрасте...

---

²⁰ Лстить (от фр. flatter).

²¹ Губную помаду (фр.).

Дуняша передернула плечиками с видом собственного превосходства, распахнула шкаф и стала швырять вещи в дорожную сумку.

– Астрид! – фыркнула она. – Отвратительное имя. Такое претенциозное, просто гадко. Полунин улыбнулся.

– Не она же его выбрала, согласись. Кажется, это была какая-то бельгийская королева, вот родители и назвали в ее честь.

– Я же и говорю! Назвать дочь в честь королевы, какой снобизм. Меня, например, мама назвала в честь своей няни. И я очень рада!

– Конечно, – согласился он. – Евдокия красивое имя.

– Вообще-то я Авдотья, – гордо заметила она. – Ну что, кажется, ничего не забыла...

Она подошла к тахте, сняла висевший в изголовье маленький медный с финифтью складень, приложила к нему, торопливо перекрестившись, и небрежно сунула в сумку.

– Бери сак и ступай, – сказала она, вручая сумку Полунину. – Иди прямо к станции, а на Хураменто свернешь за угол и подождешь меня, я мигом...

Дойдя до угла улицы Хураменто, он поставил сумку на цоколь решетчатой ограды и закурил, приготовившись к терпеливому ожиданию. Дуняша, однако, появилась гораздо раньше, чем можно было предполагать. Глядя, как она идет своей легкой быстрой походкой, одетая с какой-то особой элегантной небрежностью – это резко отличало ее от аргентинок, всегда очень чопорных во всем, касающемся туалета, – Полунин опять подумал, что это, в сущности, едва ли не самая обаятельная женщина из всех, кого он когда-либо знал; и женой она была бы доброй и верной (нельзя же сейчас винить ее за то, что она махнула рукой на своего сгинувшего неведомо куда шалопая); и что при всем этом она продолжает оставаться в чем-то странно чужой, неуловимой, безнадежно отдаленной от него, – прелестное, но способное исчезнуть в любой момент без следа, загадочное существо из иного мира...

Дуняша шла, держа руки в карманах небрежно перетянутого поясом плаща, поглядывая по сторонам и расшвыривая ногами устилающие тротуар сухие листья, – так тоже никогда не станет вести себя на улице аргентинка, вышедшая из школьного возраста...

– Боже, какой день! – воскликнула она, подходя ближе. – Просто плакать хочется. Что может быть лучше осени, вот такой золотой, когда листья всюду, и солнце, и небо синее-синее, – одно такое настоящее бабское лето...

– Бабье, Дуня, а не бабское. Тебя не обижает, что я поправляю?

– Нет, конечно, но только я ведь потом опять забуду... нужно будет книжечку завести, записывать. О, у меня идея! – Дуняша, взяв его под руку, по-девчоночьи подскочила, чтобы попасть в ногу. – Ты иногда спрашиваешь – ну, когда праздник какой-нибудь, день рождения, именины, – что мне подарить. Так вот, когда у тебя появится охота сделать мне подарок, купи мне бальный карнэ, знаешь? Это такая книжечка, куда записывают претендентов на танец. Купи самую простую, а то они бывают очень дорогие. И я буду записывать русские идиомы.

– Непременно куплю, – Полунин улыбнулся, – ты только скажи, где они продаются.

– О, это можно иметь в любой хорошей папелерии²². Пеузер, например, или Тэйлхэд. Или у Тамбурины – знаешь, на авеню де Майо, огромный такой магазин. Спроси в том отделе, где альбомы и всякие штуки для подарков. А *groros*²³, куда же мы едем?

– Давай вот что сделаем, – Полунин крепче прижал к себе ее руку. – Давай поедем в электричке до конечной станции, а там пересядем на первый же поезд дальнего следования – первый, какой остановится. И сойдем, где ты скажешь...

---

²² Papelería – магазин канцелярских принадлежностей (исп.).

²³ Кстати (фр.).

С пересадкой им неожиданно повезло, и уже в пятом часу пополудни они вышли из душного, битком набитого вагона в каком-то приглянувшемся Дуняше поселке, в полуторасти километрах от столицы. Крошечная платформа была пустынна, вышедший к поезду дежурный с провинциальным любопытством поглядывал на приезжих. Когда рассеялся запах паровозного дыма и перестали гудеть рельсы, кругом воцарилась огромная перевозданная тишина, пахнувшая пылью, сухим бурьяном и степью.

– Боже, как хорошо, – сказала Дуняша, закрыв глаза. – Поди спроси у него, есть ли тут отель...

Как ни странно, в поселке действительно оказалась гостиница, совсем новая, выстроенная в прошлом году каким-то местным оптимистом, – непонятно, сказал дежурный, на кого он рассчитывал, этот дон Тибурсио, здесь никто никогда не останавливается...

– Звучит заманчиво, – болтала Дуняша, пока они шли по единственной асфальтированной улице поселка, – если отель новый, то, может, там есть хоть какой-нибудь комфорт, хотя бы самый элементарный? Хочу ванную с горячей водой, и чтобы в номере была громадная кровать. Все-таки второй класс – это ужасно. Не сиденье, а какое-то орудие пытки, я себе отсидела все решительно. Признаюсь, пока мы ехали, я даже помолилась именно о кровати. Evidemment²⁴, это молитва кощунственная... хотя в тот момент я думала лишь о том, чтобы отдохнуть. Вообще, может быть, мне это было послано нарочно, как mortification du chair. Как это говорится по-русски – умертвление плоти?

– Ты о чем, Дуня?

– Ну об этом кошмарном сиденье в вагоне, с прямой спинкой. Когда поедем обратно, нужно будет любым способом попытаться купить первый класс. Еще и какая-то планка резала ноги, прямо под коленками.

– Странно, у меня никакой планки не было. Тебе нужно было просто сказать, поменялись бы местами...

– Нет, я сразу поняла, что к этому следует отнестись мистически, – возразила Дуняша. – Как к посланному свыше испытанию, понимаешь?

Хозяин гостиницы, толстый, усатый и меланхоличный, встретил их равнодушно; видимо, он давно уже понял, что никакая случайная пара постояльцев ничего не изменит, и относился к этому со стоическим спокойствием.

– Выбирайте любую комнату, – сказал он, – хоть на первом этаже, хоть на втором. Идите лучше наверх, больше воздуха. Ужинать будете здесь? Скажите тогда кухарке, что приготовить.

– А ключ? – спросила Дуняша, для наглядности повертев пальцами, словно отпирая замок.

– Идите, там не заперто, – меланхолично ответил дон Тибурсио, – ключ торчит в каждой двери.

Войдя в номер, Дуняша всплеснула руками.

– Теперь ты сам видишь, – сказала она с благоговением, – что даже самая нечестивая молитва может что-то дать, если она от души. Бог мой, на такой кровати можно кувыряться!

Номер был небольшой, очень чистенький, пахнувший свежей краской и мебельным нитролаком; за широким окном – здание стояло на самом краю поселка – лежала открытая до горизонта пампа. Дуняша заглянула в выложенную малахитовыми изразцами ванную, отвернула краны – из никелированного раструба хлынула ржавая струя, потом постепенно просветлела, стала чистой. Над ванной был укреплен электрический каледон, Дуняша нажала пусковую кнопку, на белой эмали загорелась рубиновая сигнальная лампочка.

– Просто чудо, сколько тут всякой цивилизации, – сказала она, вернувшись в номер. – Кажется, даже горячая вода будет. Ты голоден?

---

²⁴ Конечно (фр.).

– Да нет, пожалуй.

– Тогда знаешь что? Я сейчас помоюсь, переоденусь, и пойдем погуляем до ужина.

– Ты же мечтала о кровати?

– Да, вот с этим маленькая complication, – Дуняша вздохнула. – Понимаешь, когда я вошла сюда и убедилась, что моя молитва была услышана, я сразу поняла, что тут без ответного жеста не обойтись. Не обижайся, пожалуйста, но я дала обет целомудрия.

– Дуня, послушай. Я в воскресенье уезжаю...

– Дай мне договорить. Это элементарная благодарность! Никаких сроков я не уточняла, но хотя бы до вечера придется потерпеть. В конце концов, человек не должен быть рабом своих вожделений.

– Ну, разве что, – сказал Полуниин без особого восторга. – Ладно, ты тогда мойся, а я пойду насчет ужина. Что заказать?

– А, придумай там что-нибудь, мне все равно.

– Часов на восемь?

– Да-да, пожалуйста, – церемонно отозвалась Дуняша, выкладывая из сумки свои вещи.

Когда они вышли из гостиницы, солнце уже висело довольно низко. Было тепло и безветренно, теплее, чем утром в Буэнос-Айресе. Пройдя с километр по пыльной проселочной дороге, они увидели вдали холм с геодезическим знаком, перелезли через ограду из нескольких рядов толстой проволоки, туго натянутой на столбах из кебрачо²⁵, и пошли наискось через заброшенное пастбище. Подобранным на дороге прутком Дуняша сбивала головки полусохшего уже чертополоха. В мокалинах на низком каблуке, в брюках и свитере, она выглядела сейчас совсем девчонкой.

– Забавно, как мужской костюм молодит женщину, – сказал Полуниин. – Эта наша переводчица тоже все время ходит в брюках, но однажды я увидел ее в платье и...

– Довольно! – крикнула Дуняша, резко обернувшись к нему. – Меня совершенно не интересует, сколько раз ты видел ее в платье и сколько без платья! Ты можешь хоть на минуту забыть об этой омерзительной особе? Иначе я сейчас же возвращаюсь в отель, так и знай! И учти, там полно свободных номеров!

– Слушай, ну не говори ты ерунды, – возразил он кротко, – вовсе я о ней не думаю, и прекрасно ты это знаешь, просто я тебя увидел сейчас в брюках и вспомнил...

– ...прелести мадемуазель Астрид, – докончила она язвительным тоном. – Ха! Воображаю этого монстра – очки как у одной мартышки, и еще коротко острижена. И вообще, что такое бельгийцы? Не народ, а какая-то *pele-mele*²⁶. Ненавижу!

– Не понимаю, что тебе сделали бельгийцы...

– Они даже по-французски толком не говорят! А кто в сороковом сдался немцам? Твой роскошный Леопольд, *le Roi des Belges*²⁷.

– ...и какая вообще муха тебя укусила? Чего ты злишься?

– Вот и злюсь, и злюсь, и еще буду злиться! А тебе-то что? Что я вообще для тебя? Ничто! Абсолютный нуль! Ты даже не видишь во мне женщину!

– Евдокия, да побойся ты бога, – изумленно сказал Полуниин.

– Конечно!! – кричала та чуть ли уже не со слезами. – Там в пансионе ты лицемерно требовал – «я запру дверь, я запру дверь!». Изображал *une passion ardente*²⁸, чуть мне ухо не откусил! А здесь в отеле мы были одни на всём этаже и ты преспокойно сидел, как один тараканский идол! А потом ужин отправился заказывать! Чудовище!

---

²⁵ Quebracho – дерево твердой породы (исп.).

²⁶ Мешанина (фр.).

²⁷ Король бельгийцев (фр.).

²⁸ Пламенную страсть (фр.).

– Во-первых, Евдокия, идол был тьмутараканский, – терпеливо поправил Полуниин. – Во-вторых, ты сама сказала, что хочешь идти гулять. Я уж не говорю про этот твой обет...

– Ах, мсье испугался моего обета! Какое неожиданное благочестие! Какое тебе дело до обетов, ты ведь атей, хуже всякого язычника! Да если бы ты был настоящим мужчиной, ты бы возмутился, ты бы заставил меня нарушить этот обет! А я, кстати, была бы вовсе не виновата, потому что когда уступаешь грубой силе – это простительно. Даже со святыми бывали такие случаи! Но тебе, конечно, все равно – гулять так гулять...

– Ну давай вернемся, – предложил он, с трудом удерживаясь от смеха. – Вернемся, и я заставлю тебя нарушить обет.

– Шиш я теперь вернусь! Залезу на тот холм и буду сидеть до самой ночи!

Он благоразумно промолчал. Когда на Дуняшу накатывало, лучше было не спорить; ее «кризы», как она это называла, обычно бывали непродолжительны.

И действительно, пока они дошли до холма, агрессивная фаза сменилась покаянной. Здесь наверху как-то еще полнее ощущалась окружившая их пустыньность, – железная дорога и поселок остались за спиной, до самого горизонта впереди лежала ровная, точно застывшее травяное море, бурая осенняя степь. Полуниин бросил пиджак на сухой растрескавшийся суглинок, они сели. Несколько минут Дуняша молчала, обхватив руками колени и неподвижно глядя на закат, потом виноватым движением потерлась головой о плечо Полуниина.

– Не сердись, – шепнула она. – Пожалуйста, прости меня... Я знаю, что гадкая и что тебя мучаю, но ты не обращай внимания, а просто в следующий раз, как только я начну опять беситься, возьми и отшлепай меня хорошенько. Правда, так и сделай...

Он повернул голову и с удивлением увидел поблескивающую дорожку слезы на ее щеке.

– Да что ты, Дуня, я не сержусь вовсе, откуда ты взяла! Ты из-за этого плачешь?

Она отрицательно замотала головой, утирая глаза тыльной стороной руки.

– Нет, нет, это так... глупости. Вообще я степь не могу видеть без того, чтобы не разреваться... как дура. Я сейчас... успокоюсь, погоди...

Она помолчала еще, потом спросила:

– Ты Бунина стихи любишь?

– Стихи? – Полуниин подумал. – Знаешь, я их, пожалуй, и не читал. Основская давала мне «Жизнь Арсеньева», это понравилось, а стихов его я не знаю.

– А мне вот сейчас вспомнилось... «Ненастный день. Дорога прихотливо уходит вдаль. Кругом все степь да степь. Шумит трава дремотно и лениво, немых могил сторожевая цепь среди хлебов загадочно синее, кричат орлы, пустынный ветер веет в задумчивых, тоскующих полях, да тень от туч кочующих темнеет...» Ты знаешь, для меня нет ничего прекраснее – даже у Пушкина...

– Да, это хорошие стихи. Бунин ведь где-то у вас живет?

– Жил! Он в позапрошлом году умер, а вообще жил в Париже. Боже мой, кем нужно быть, чтобы суметь написать такое – «кричат орлы... пустынный ветер веет... в задумчивых, тоскующих полях...» Странно, океан меня не трогает совершенно, и горы тоже, но в степи я себя чувствую как в церкви, – негромко говорила Дуняша. – Не знаю почему... Хотя я ведь на четверть татарка, я тебе говорила?

– Нет, впервые слышу. Татарка?

– Ага. Бабушка была самая настоящая, откуда-то из-под Казани... Я видела старое фото – красавица феноменальная, grand-pere²⁹ влюбился без памяти и украл ее из этого – как это называют – улус, что ли? Воображаешь, скандал, он был там вторым человеком после губернатора...

Полуниин взял в ладони ее голову и повернул к себе.

---

²⁹ Дед (фр.).

– А знаешь, в тебе и впрямь есть что-то татарское, – он улыбнулся. – Раньше я не замечал. Да, конечно, скулы, и разрез глаз такой удлинённый... Саям, Евдокия-ханум!

Дуняша мигом скрестила ноги по-турецки.

– Саям, эфенди, саям, – ответила она, кланяясь и прикладывая ладонь ко лбу и груди. – Только не говори больше этого слова: оно слишком похоже на «саями», а я уже хочу есть как одна каннибалка. Между прочим, Аргентину я полюбила именно из-за пампы. Во Франции разве такое увидишь! Конечно, там всё – как это сказать – живописно, да? Но настоящей натюр там нет. Впрочем, ты же видел Францию!

– Да, – Полуниин кивнул. – Кое-что видел.

– Я не говорю о Париже, – продолжала она, – это вне всякого. Ты ведь в Париже был? Я думаю, нет ни одного туриста, который не побывал бы в Париже...

Полуниин молча улыбнулся. Как обстоит дело с туристами, он не знал, – ему самому, как и другим бойцам отряда «Бертран Дюгеклен», довелось ворваться в Париж вместе с танкистами Леклерка, когда еще не капитулировал немецкий гарнизон и снайперы постреливали с крыш в самом центре – на авеню Клебер, на бульваре Осман... Впечатление, надо сказать, осталось довольно сумбурное: августовский зной, бензиново-пороховой чад, то пустая улица, выметенная пулеметными очередями, то – сразу за углом – беснующаяся от восторга толпа, трехцветные флаги из окон, растрепанные девчонки на капотах джипов...

Собственно, из всей Франции лучше всего запомнилась ему Нормандия, ее сырые пастбища, изгороди, яблоневые сады. Отряд маки, отбивший у немцев небольшую группу советских военнопленных, действовал южнее Руана, в районе Лувьер – Лизьё; летом сорок четвертого года, после высадки союзников, макизаны стали отходить в глубь страны. Пересечь линию фронта, хотя в строгом смысле слова ее не существовало, им так и не удалось, а позднее командование ФФИ поставило всем отрядам задачу – по возможности оставаться в немецких тылах, уничтожая связь и действуя на линиях коммуникаций. Так они и делали – резали провода, рвали, где удавалось, мосты, нападали на отдельные колонны. По-настоящему больших дел не было, но все-таки... Только под Шартром их наконец догнали танки с белой звездой и лотарингским крестом – эмблемой «Сражающейся Франции»; оттуда они и рванули вместе на Париж – через Эпернон, Рамбуйе, Версаль...

– ...впрочем, должна сказать, – продолжала болтать Дуняша, – что, хотя я там и родилась, сердцу он ничего не говорит. Мне, по крайней мере. О, это все прекрасно – история на каждом шагу и все такое, но это все слишком... далекое для нас, понимаешь? Что мне их Клюни или Сент-Шапель, это прекрасно, но это не трогает. А вот простая степь меня трогает. Там, где ты родился, хорошая степь?

– Нет, я из Ленинграда, там степей нет...

– Странно. Я думала, Россия – это сплошная степь!

– Ну что ты. У нас только южная часть степная.

– Но ты там был, да? Ты видел настоящую-настоящую степь?

Полуниин помолчал, грызя травинку.

– Я там воевал, в сорок первом, – ответил он нехотя.

– Это там тебя ранили?

– Да, там...

– Бе-едный, – пропела Дуняша. Она расстегнула его рубашку и, быстро нагнувшись, поцеловала неровно стянутый багровый рубец шрама. – Бедный мой, как тебя неаккуратно зашили. Он похлопал ее по плечу, отстранил от себя и застегнулся.

– Меня, Дуня, зашивали в лагере. Штопальной иглой, там было не до аккуратности шва. А сейчас хватит об этом, лучше почитай стихи.

– Какие?

– Какие хочешь. Что вспомнится, то и почитай.

Дуняша помолчала.

– Вот слушай: «Девятый век у Северской земли... стоит печаль о мире и свободе. И лебеди не плещут. И вдали... княгиня безутешная не бродит. О Днепр, о солнце, кто вас позовет... повечеру кукушкой печальной... теперь, когда голубоватый лед все затянул, и рог не слышен дальний... И только ветер над зубцами стен... взметает снег и стонет на просторе. Как будто Игорь вспоминает плен у синего... разбойничьего моря...»^{30*} Господи, что это сегодня... со мной...

– Успокойся, Дуня, не надо.

– Не буду, милый, прости, – Дуняша шмыгнула носом. – «Княгиня безутешная» – это про Ярославну, знаешь?

– Да, я понял.

– Почему я не могла быть твоей Ярославной, когда ты лежал там раненный, в сорок первом? Впрочем, я все равно опоздала, мне тогда было всего одиннадцать...

Полунин осторожно прижал ее к груди и стал гладить по голове, щурясь на закат, где громоздились тяжкие раскаленные громады облаков.

– Пойдем уж, наверное, – сказал он, кашлянув.

– Да-да, идем, милый...

Следующие трое суток пролетели для них как-то незаметно. С погодой повезло – дни стояли тихие, безветренные и удивительно теплые для этого времени года; Дуняша говорила, что нагулялась на несколько месяцев вперед, даже соскучилась немного по асфальту.

В воскресенье утром Полунин проснулся первым, привычно потянулся к часам – те стояли, видимо не заведенные накануне. Осторожно, чтобы не разбудить Дуняшу, он встал, подошел к окну, отдернул штору. Было еще очень рано, обильная седая роса лежала на траве, и только одинокое облачко над пампой розовело в лучах невидимого еще солнца. Со странным предчувствием утраты – что, собственно, ему до этих мест? – смотрел он на уходящую к горизонту степь, на изрытую колеями дорогу между проволочными изгородами, на далекий холмик, где они сидели тогда в первый вечер. «Этого в моей жизни никогда больше не будет», – подумал он вдруг и снова удивился – так сжалось сердце. Мало, что ли, было в его жизни этих «никогда больше»?

Пытаясь стряхнуть странное наваждение, он стал думать о делах. Поезд проходит здесь в десять тридцать пять; к часу дня они будут в Буэнос-Айресе, пообедают, потом он отвезет Дуняшу в пансион. К этой проклятой фрау Глокнер. Да – сразу по приезде первым делом позвонить Кривенко, договориться о встрече. Нужно же узнать, как они там поладили. А вечером – в порт. Дуняша, пожалуй, захочет проводить, но этого нельзя ни в коем случае. Черт возьми, Келли все-таки остается загадкой, – действительно ли проглотил наживку, или оба они разыгрывали комедию друг перед другом?

Он снова бросил взгляд на облачко – оно уплыло к самому краю окна и разгорелось еще ярче. Часов шесть, вероятно, – можно еще поспать часа полтора. Потом они встанут, позавтракают, Дуняша побросает в сумку свои вещички. И все это кончится, чтобы никогда больше не повториться.

Он отошел от окна, не задернув шторы. Скомканная ночная сорочка валялась в ногах постели, он взял ее – скользкий нейлон и жесткое кружево, странная какая мода, ведь это, наверное, царапает, – встряхнул и перекинул через спинку стула. Дуняша, лежа на правом боку, пробормотала что-то сквозь сон, обняла подушку, потерлась щекой и носом, перевернулась на живот. Укрывавшая ее простыня, чересчур жестко накрахмаленная, от этого быстрого движения соскользнула на пол.

---

³⁰ Стихи Георгия Адамовича.

Полунин поднял простыню, чтобы снова укрыть Дуняшу, но так и остался стоять с простыней в руках, потом обошел кровать и осторожно присел на край с другой стороны, не в силах оторвать глаз. Как и в тот момент, когда он следил из окна за медленным полетом розового облака, им снова овладело шемящее чувство неповторимости – ощущение «последнего раза».

В предчувствия он не верил, ему не было сейчас ни страшно, ни тревожно. Просто грустно. Так же, как скрылось проплывшее над пампой облачко, уйдет из его жизни Дуняша Новосильцева – непонятное и неуловимое существо, неведомо чья жена, выросшая на чужбине русская татарочка, в грохочущих поездах парижского метро вытвердившая наизусть горькие, как ледяное похмелье, стихи о полях далекой своей отчизны, о крике орлов над пустынной степью, о плачущей по Игорю Ярославне...

Да, но пока она была здесь. С ним, в этой комнате, в этой постели. Рассыпанные по подушке черные волосы, девически узкая спина, длинные, стройно сомкнутые, как у летящей в воду ныряльщицы, загорелые ноги – все это пока в какой-то степени принадлежало ему. И плавный изгиб бедра, так чудесно уравновесивший крутую впадину поясницы, и теплый, розовато-молочный блик света на нежной округлости, не тронутой загаром и напоминающей своей белизной трогательную беззащитность детской невинной наготы – все это было чудом, великим чудом земной человеческой прелести, и чудо принадлежало ему – не все ли равно, на какой срок? – его ладони касались этого чуда, касались и могли прикоснуться вновь. Чего еще мог он просить у судьбы? Мгновение – это уже так много...

Полунин поднялся, обошел кровать и осторожно, чтобы не разбудить, укрыл спящую женщину. Дуняша не шевельнулась. Он еще постоял немного, сердце его готово было разорваться – не от желания, нет, просто от нежности, – потом вернулся на свою сторону, лег и мгновенно уснул.

Глава четвертая

Замызганный пароходишко с громкий названием «Сьюдад-де-Ла-Плата» принимал пассажиров долго и бестолково, потом стали с великим шумом и грохотом грузить на палубу какие-то ящики. Полунин лежал в душной двухместной каютке и ждал гудка к отплытию, надеясь, что хоть потом помещение немного продует и можно будет заснуть.

Наконец отчалили, но тут что-то начало равномерно тарахтеть и постукивать у самого изголовья, сосед храпел все громче и забористее, набирая силу. Прохладнее не становилось – то ли каюта была расположена по подветренному борту, то ли вообще не было сегодня никакого ветра.

Сон в конце концов пришел, но ненадолго. Проснувшись среди ночи, Полунин послушал мощный храп соседа, непрекращающееся тарахтенье за переборкой и понял, что поспать не удастся. Посмотрев на часы – было около половины четвертого, – он оделся, вышел на палубу, отыскал скамейку посуше. Вокруг висел непроглядный туман, но суденышко уверенно, хотя и не спеша, ползло своим проторенным курсом, наискось пересекая устье Ла-Платы.

Позевывая, он закурил и тут же бросил отсыревшую невкусную сигарету. Думать о делах не хотелось – что уж теперь думать, с Келли или вышло, или не вышло, теперь не переиграешь. Ладно, будущее покажет. Он пожалел, что не уговорил Дуняшу задержаться в Таларе еще хотя бы на денек-другой; в общем-то, с возвращением в Монтевидео можно было не спешить, парагвайские визы вряд ли уже пришли, а отчитаться в результатах поездки он успеет. Да и какие там результаты? Пока – никаких, пока можно лишь строить предположения...

А с другой стороны – что бы это дало, даже и пробудь они там вместе хоть неделю? Все так и осталось бы в том же дурацком взвешенном состоянии. Ни то ни се. Строго говоря, он должен был бы давно заставить ее начать развод, но... Ага, в том-то и дело, что сразу возникает «но». Куда ему, в самом деле, жениться? Женитьба предполагает какую-то определенность, оседлость. А что он может предложить – какую перспективу, какие планы на будущее?

Если задуматься, то, как ни парадоксально это выглядит, даже шалопаи Ладушка, не умеющий прокормить жену, больше подходил к роли мужа: в нем хоть была какая-то определенность, пусть с обратным знаком, в данном случае это несущественно. При всех своих недостатках, Ладушка вписывался в окружающее, составлял часть целого. Не лучшую, но все же часть. А вот он сам никуда не вписывался и никакой части не составляет. Что из того, что он смог бы быть кормильцем жены и детей? Как говорится, ведь не хлебом единым...

Ему опять вспомнилась вдруг французская столица – та, тогдашняя, в августе сорок четвертого, с еще неразобранными баррикадами Медона и Бийянкура, обезумевшая, хмельная от свободы. Дорого обошелся ему тот хмель...

Возможно, тут просто сыграл роль возраст – как раз в дни боев на подступах к восстановленному Парижу ему исполнилось двадцать три. Другие ребята из освобожденной нормандскими макизарами «арбайтскоманды» – их только четверо и осталось в живых к началу августа, – те были постарше, каждого ждали дома жены и дети; у Сашка, правда, семья жила в оккупации, где-то на Полтавщине, и он с начала войны ничего о своих не знал, Федя был москвич, а самый старший, Петрович, – сибиряк. Тогда именно это и показалось ему решающим: он просто считал, что семенные люди не могут рассуждать иначе. А рассуждали они просто: пора кончать это дело, говорил Федя, рука об руку с союзниками мы повоевали, сделали что могли, а теперь надо дожидаться здесь нашей миссии и просить, чтобы поскорее отправили на свой фронт, домой.

Наверное, и он сам рассудил бы так же, будь жив отец. Но отец умер за полтора года до войны, мать и того раньше, в Ленинграде его никто не ждал. А война продолжалась – на всех фронтах.

Однажды вечером – им в тот день вручили медали Сопrotивления – Филипп повел его, Дино и еще кого-то из дюгекленовцев в ресторан возле площади Опера. Они сидели там в новенькой американской форме, с новенькими медалями на груди, но непривычно безоружные, – после освобождения Парижа отряды ФФИ сдали оружие по приказу генерала Кенига. «Старина, послушай, – сказал Филипп, когда все уже были порядком навеселе, – я, конечно, понимаю, тебе хочется поскорее домой: лары, пенаты и всякая такая лирика... Но ты учти, репатриация – дело долгое, на этот счет лучше не заблуждаться, к самой Германии мы ведь только подступили – и Айк, и даже ваш Жуков, – а по воздуху вас никто перебрасывать не станет. Через Африку и Иран, что ли? Взгляни на карту! Вот я и говорю: чем киснуть здесь до конца всего этого спектакля, можно было бы успеть здорово всыпать фридолинам, по-настоящему мы ведь до сих пор и не дрались...».

Да, он тоже считал, что до сих пор не дрался по-настоящему. Его счет к «фридолинам», открытый еще там, на Украине, где их называли «фрицами», оставался неоплаченным. Поэтому на другой же день, ничего не сказав соотечественникам, он вместе с Филиппом явился на вербовочный пункт и выложил перед писарем сработанное одним подпольщиком-гравером еще в Руане удостоверение личности на имя Мишеля Баруа, уроженца деревни Бевиль в департаменте Приморской Сены (место рождения подсказал Филипп – архив бевильской мэрии благополучно сгорел еще в 1940 году). Их тут же препроводили в казармы Мон-Сени, а оттуда – неделей позже – в расположенный в Вогезах учебно-тренировочный лагерь Пятой бронетанковой дивизии.

Вчерашние макизары приуныли: возможность «подрататься по-настоящему» откладывалась на неопределенный срок. Вместо этого пришлось зубрить уставы, изучать матчасть, заниматься шагистикой и учиться отдавать честь – непривычно для Полунина вскидывая локоть и выворачивая руку ладонью вперед. «Грязные верблюды, – сорванным голосом хрипел капрал, – когда я наконец сделаю из вас солдат Франции, побей вас всех гром небесный...» Только после Рождества в дивизию начали наконец поступать новенькие, только что полученные из-за океана, еще покрытые густой консервационной смазкой танки М4 «Шерман», модификация А3. Все думали, что Пятую бронетанковую пошлют в Арденны, но ее бросили на Кольмарский выступ, перед которым уже давно без всякого толку топтались алжирская и марокканская дивизии генерала де Монсабера...

Вот там-то Полунин опять увидел, что такое современная механизированная война. Немцы, удерживающие позиции вокруг Кольмара, стояли насмерть: за их спиной был Рейн, священная граница фатерланда, отсюда открывался прямой путь на Фрайбург, Ульм, Мюнхен. Свирепо дрались и сменившие алжирцев французы: Эльзас был для них не просто последним куском родной земли, еще не очищенным от захватчиков, – это был еще и давний, со времен Бисмарка, символ национального унижения. Взять Кольмар без помощи американцев становилось вопросом чести, но сделать это было не так просто, танки десятками гибли на минных полях, под ураганным огнем зениток, бьющих с нулевого угла возвышения; даже закругленная лобовая броня «шерманов» не выдерживала прямого удара 88-миллиметрового снаряда с начальной скоростью 1000 метров в секунду.

Тридцатого января в дивизию прибыл командующий Первой французской армией. В сопровождении свиты штабных он обходил строй экипажей, – худощавый, со спортивной выправкой и внимательно-ироничным взглядом из-под козырька высокого генеральского кепи, Жан Делатр де Тассиньи казался моложе своих лет. Потом он выступил с короткой речью. Почти никто из солдат ничего не услышал – ветер относил слова, рвал квадратные полотнища полковых штандартов. Полунин стоял навытяжку у своего танка, – странно было подумать, что завтра ему снова придется идти в бой под этим знаменем, цвета которого реяли когда-то перед Шевардинским редутом... Он позавидовал стоявшему рядом Филиппу – ни тому, ни другим трем членам их экипажа исторические реминисценции не угрожали.

Вскоре после смотра стало известно, что на подходе три американские дивизии; развязав себе наконец руки в Арденнах, Эйзенхауэр приказал Деверсу усилить правый фланг частями Двадцать первого корпуса. Французы всполошились: опять, как и в августе прошлого года перед Парижем, встал вопрос – кто кого опередит. Второго февраля к вечеру Пятая бронетанковая вломила в Кольмар. В бою у вокзала Филипп сделал неловкий маневр и подставил борт под прицел спрятавшегося за грудой щебня панцерфаустника; танк вспыхнул сразу – «шерманы» вообще горели как порох, – но они все успели выскочить и даже вытащили раненого командира. Неделей позже, когда дивизия остановилась на левом берегу Рейна, водитель Маду и стрелок-радиот Баруа получили по «Военному кресту» второй степени...

А потом снова наступило затишье – почти на два месяца. Что и говорить, союзники не спешили даже весной сорок пятого. Дивизию отвели на отдых, доукомплектовали и перебросили в Лотарингию, под Страсбург. Там она и простояла весь март. Форсирование Рейна началось только в конце месяца; американцы, правда, еще седьмого захватили мост в Ремагене и создали крошечный плацдарм на правом берегу, но основные силы Западного фронта вторглись в Германию двумя неделями позже. Двадцать второго марта переправились через Рейн танкисты лихого «генерала-ковбоя» Джорджа Паттона, в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое их примеру последовали канадцы и англичане; четырьмя днями позже передовые части Союзных экспедиционных сил уже вели бои на правом берегу по всему фронту от Везеля до Мангейма. Первая французская армия форсировала Рейн лишь первого апреля, нанося удар севернее Карлсруэ. Дальше была уже прогулка – через сказочно живописный Шварцвальд, к швейцарской границе и дальше, по Южной Баварии, на Инсбрук...

Он так и просидел на палубе до рассвета. На подходе к Монтевидео туман рассеялся, солнце ярко золотило торчащие из воды ржавые исковерканные надстройки немецкого рейдера «Адмирал граф Шпее», шестнадцать лет назад – в конце тридцать девятого года – выбросившего здесь на камни после боя с английской эскадрой. Событие это так потрясло не видавших войны южноамериканцев, что открытки с изображением горящего «Адмирала» – именно горящего, снимок был сделан сразу, – до сих пор продавались в каждом журнальном киоске Буэнос-Айреса.

Полунин, сдерживая зевету, проводил взглядом медленно проплывающие вдаль останки «карманного линкора» и подумал о том, что Редер был человеком явно не суеверным, если рискнул послать в Южную Атлантику корабль с таким именем. Ведь сам-то Шпее, насколько помнится, в пятнадцатом или шестнадцатом году погиб со своей эскадрой именно в этих местах – где-то у побережья Аргентины. Вот и не верь после этого в приметы!

Суденышко сбавило ход, начали появляться пассажиры, заспанные и небритые матросы палубной команды, стюарды с чемоданами. Полунин спустился в каюту, наспех ополоснул лицо ржавой водой из неисправного умывальника, разбудил продолжавшего храпеть соседа и взял с койки свой портфель.

Встречающих в речном порту оказалось немного, пристань была почти безлюдна, и Полунин сразу увидел сидящего на кнехте Филиппа.

– Салют, – сказал он, выбравшись из толпы пассажиров – Ну как вы тут?

– Мы-то ничего, твои как дела?

– А черт его знает, если бы я сам мог это сказать. С нашими визами ничего нового?

– Пришли, как ни странно! Мне позвонили из консульства еще в пятницу.

– Вот как? Это уже один-ноль в нашу пользу. Какой счет у меня с Келли – сказать труднее... Кстати, он звонил Морено?

– Звонил, а как же. Но ты расскажи все толком, идем сейчас ко мне, – позже подойдут Астрид с этой унылой ящерицей, выдашь им официальную версию...

Филипп жил недалеко от порта, – на всякий случай они решили поселиться отдельно, чтобы не привлекать лишнего внимания. Пока дошли, Полунин пересказал основную часть своего разговора с Келли.

– Ну что ж, – сказал Филипп, взяв ключ у дежурного портье. – Для начала, пожалуй, не так уж и плохо. Во всяком случае, первый раунд сыгран...

– Да, знать бы только, с каким результатом.

Поднимаясь следом за Филиппом на второй этаж, Полунин с неожиданно сжавшимся сердцем вспомнил пустой, тихий, пахнущий свежей краской отель дона Тибурсио Неужели только вчера?

– Итак, продолжим, – сказал Филипп, запирая изнутри дверь номера. – Что этот Келли собой представляет?

– Зауряднейший тип, – Полунин пожал плечами. – Примерно нашего с тобой возраста. Вид неглупый, а вел себя временами как плохой актер. Не исключено, что нарочито.

– Прощупывал, наверное.

– Скорее всего. Когда он звонил Морено?

– В понедельник, ровно в одиннадцать тридцать.

– Смотри ты, – Полунин усмехнулся. – Я от него ушел в четверть двенадцатого. Видно, не терпелось проверить.

– Судя по всему, ты на него произвел впечатление. Лагартиха говорит, что он все допытывался: «Нет, но между нами, доктор, – черт возьми, мы же старые друзья! – на какую, собственно, фирму он работает?»

– Да, это вопрос существенный, – озабоченно сказал Полунин. – Мне он тоже был задан. Я-то мог не ответить, это естественно. Но не менее естественно, что Морено от ответа долго уклоняться не сможет...

– А он и не уклонился. Знаешь, что он ему ответил? Помолчал, посопел в трубку, а потом внушительно так говорит: «Послушай, Гийермо, я считал тебя умнее. Не суй нос слишком высоко, если не хочешь, чтобы тебе его отщепили. Дон Мигель работает в очень серьезной фирме – гораздо более серьезной, чем все те, с которыми тебе до сих пор приходилось иметь дело. Передаю со слов Лагартихи, он при этом разговоре присутствовал. Каково?»

– Расчет на дурака, но не исключено, что с ними именно так и нужно. Если Келли верил ему до сих пор...

– До сих пор, похоже, верил. Так чем же закончилась ваша беседа?

– Да, вот об этом я как раз и хотел рассказать. Видишь ли, мне в последний момент пришла в голову одна мысль... в дополнение к нашему плану. Это возникло экспромтом, я жалел, что не успел обсудить вместе, но не возвращаться же мне было из-за этого. Я Подумал, что помимо той приманки, которую мы договорились придумать через Морено – имею в виду Лагартиху и Беренгера – хорошо было бы приготовить еще одну. В прошлом году один русский рассказывал мне, как альянсисты пытались его завербовать...

– Прости, кто пытался?

– Альянсисты! Я тебе объяснял – ЦНА входит в «Альянсу» как одно из подразделений.

– А, ясно. И что же они предлагали твоему компатриоту?

– Быть их осведомителем в русской колонии. Обычных полицейских мушаров там наверняка хватает, но «Альянсе» захотелось иметь еще и своего человека. Ну, с тем парнем не вышло – прикинулся дурачком, словом как-то открутился. Вот я и подумал: если они до сих пор никого не внедрили, то не исключено, что Келли предложит это мне...

– Ну, знаешь, от этого-то отказаться несложно.

– Не перебивай. Знаю, что отказаться несложно! Но важно не вызвать лишних подозрений, верно? В общем, я на всякий случай подобрал одну кандидатуру. Есть там у нас одна группка мерзавцев... из бывших карателей, люди вполне годные для такой работенки. И что

ты думаешь – Келли в самом деле спросил, не смогу ли я периодически информировать его о настроениях в русской колонии. Естественно, я отказался с большим достоинством... дав понять, что мы такими мелочами не занимаемся. Но тут же добавил, что могу найти ему подходящего человека.

– Так, – заинтересованно сказал Филипп. – И что же?

– Келли сказал, что будет рад познакомиться. И на следующий день к нему с моей рекомендацией явился один из тех эсэсовцев. Насколько известно, они вполне поладили.

– Гм... – Филипп помолчал. – Остроумно, конечно. Но, пожалуй, ты зашел слишком далеко, а?

– Не думаю. Почему ты так считаешь?

– Помилуй, помогать внедрению агентуры...

– А, брось, какая там «агентура»! Агент опасен, пока он замаскирован. А этих подонков знает вся колония и соответственно к ним относится. С такими людьми не откровенничают. Я к тому же через одну свою приятельницу пустил слух, что такого-то нужно остерегаться, работает на тайную полицию...

– Допустим. Но если он не оправдает себя как информатор, Келли поймет, что ему подсунули пустой номер.

– На здоровье! Когда это случится? Засылая агента, никто не ожидает немедленной отдачи, это обычно делается с дальним прицелом. А каковы будут наши отношения с Келли через год – плевать в высочайшей степени. Нам нужно, чтобы он поверил сейчас, сегодня! Кроме того, откуда мы знаем, что этот тип – я имею в виду русского эсэсовца – не окажется вдруг полезным в каком-то совершенно другом плане? Извини, я пойду помоюсь...

– Да, да, иди. Можно звонить Лагартихе?

– Звони, пусть приходят, – Полунин снял пиджак и начал расстегивать сорочку. – Самое забавное, что этот эсэсовец тоже считает, что я работаю на какую-то весьма серьезную «фирму»...

Астрид и Лагартиха явились через полчаса.

– Итак, вернулся Великий Провокатор! – закричала бельгийка. – Мсье Маду, а может, он уже успел продаться и сам? Как знать, как знать!

– Нет, я не продавался, я продавал, – сказал Полунин, пожимая руку унылому Лагартихе. – Всех, оптом и в розницу.

– Начали с меня? – спросил тот.

– Да, с вас и вашего приятеля.

– И в какой упаковке вы нас продали?

– В красной, как и договаривались.

– Правильно, это только запутает следы...

– Послушайте, Освальдо, – сказал Филипп. – Вы действительно уверены, что это не повредит вашим близким? Или семье Беренгера?

– У Рамона никого нет, а моего старика голыми руками не возьмешь, он заседает в Коммерческой палате. Нет, тут все продумано, пусть это вас не беспокоит. Как в Буэнос-Айресе погода, дон Мигель?

– В день моего приезда шел дождь, а потом было хорошо. Как здесь.

– Ну что вы, – вздохнул Лагартиха. – Как можно сравнивать. Здесь ведь даже солнце совсем не такое...

– Ладно, не скули, – перебила Астрид, – вернешься еще в свою несравненную Аргентину, поторопитесь вот только с революцией. Обо мне, мсье Мишель, разговора не было?

– Был, почему же. Вы – наш агент, посаженный к коммунистическому эмиссару Лагартихе. Кстати, имейте в виду: вы теперь немка, баронесса фон Штейнхауфен...

Астрид, не успев раскурить сигарету, поперхнулась дымом и раскашлялась.

- Вы дали ему те снимки? – спросил Лагартиха.
- Да, он их оценил...
- Но почему немка, ради всего святого? – воскликнула Астрид. – Да еще баронесса!
- Почему немка, я вам объясню потом, – сказал Филипп. – А насчет баронессы, Мишель, это ты сам придумал?
- Очень уж соблазнительно показалось переделать частицу «ван» в «фон». А титул на некоторых действует.
- Разумно, – одобрил Филипп и обернулся к Астрид. – Надеюсь, вы не против?
- Какого черта! Всю жизнь мечтала попасть в Готский альманах. Но, господа, раз уж вы меня анноблировали, я вынуждена намекнуть на явное несоответствие моих средств минимальным нуждам представительства. Согласитесь сами, высокородной баронессе фон Штейнхауфен не очень-то пристало ходить в единственных джинсах. Которые, замечу в скобках, не сегодня-завтра протрутса на самом заметном месте!
- Тебе купят новые, – успокоил Лагартиха. – Кстати, советую взять на номер больше, будет куда приличнее.
- Мсье Тартюф! – взвизгнула в восторге Астрид. – Вас что, уже шокирует мой зад? Но с каких это пор?
- Мадемуазель... – укоризненно сказал Филипп.
- Пардон, – Астрид сделала невинные глаза. – Я что-нибудь сказала не так? Тогда прошу меня простить. Ах, этот разрыв между поколениями!
- Зазвонил телефон, Филипп снял трубку.
- Я слушаю... А, это ты. Да, вернулся. Нормально, насколько можно судить... Как у тебя? Что? А, паспорт. Хорошо, Астрид привезет, она сейчас здесь... Договорились. Да, записываю... Улица Сантьяго... Тысяча триста четыре. Ясно. Да, она сейчас выезжает. Договорились.
- Астрид, – сказал он, положив трубку, – вам сейчас придется съездить в парагвайское консульство – отвезти паспорт Мишеля. Визы уже готовы, так что все в порядке.
- Парагвайские визы вам было бы проще получить в Буэнос-Айресе, – заметил Лагартиха.
- Да, но для этого нужно было сначала обзавестись аргентинскими, – возразил Филипп
- Поезжайте, Астрид, Фалаччи вас ждет. Запишите адрес: Сантьяго-де-Чили, тысяча триста четыре. И поторопитесь, у них прием только до обеда.
- Лечу, лечу...
- Итак, скоро вы в путь, – сказал Лагартиха, когда Астрид ушла. – Почему, собственно, решили начать с Парагвая?
- Там особенно много немцев, – ответил Филипп. – А страна маленькая, ее легче прочесать.
- Потом думаете заняться Аргентиной?
- Трудно пока сказать. Конечно, Аргентина – это тоже заманчиво... Но я не уверен, что у нас хватит средств. Проклятые пиастры текут, как песок сквозь пальцы, – озабоченно добавил Филипп, обращаясь к Полунину. – Я уже посылал кабло в Ним, но издатель ответил советом сократить расходы: чертов рогоносец думает, наверное, что мы тут не вылезем из казино...
- Да, деньги – это всегда проблема, – согласился Лагартиха. – Я, пожалуй, поговорю с Морено, может он что придумает. Кстати, дон Мигель...
- Да?
- Доктор хотел бы с вами встретиться. О вашем свидании с Келли он знает – тот звонил, но его интересуют подробности.
- Я готов, – сказал Полунин. – Скажите ему, пусть назначит время.
- Сегодня вечером вас устроит?
- Почему же нет. Филипп, у нас на вечер никаких дел?

– Никаких, поезжай к Морено, этого не стоит откладывать...

– Прекрасно, – Лагартиха посмотрел на часы и встал. – Так я сообщу вам, дон Мигель?

– Да, позвоните часов в шесть-семь, я буду у себя...

Лагартиха приветственным жестом вскинул руку, приоткрыл дверь, конспиративно выглянул и исчез.

– Комичный тип, – улыбнулся Филипп. – Ты заметил, как у него отдувается пиджак под левой рукой?

– Пистолет, что ли?

– Кольт, сорок пятого калибра. Он уже мне показал, не утерпел. Живым, говорит, меня не возьмут. Слушай, неужели все они такие, эти здешние «революционеры»?

– Более или менее. Играют в политику, что ты хочешь. Ладно, старик, я тоже пойду, – меня, признаться, до сих пор качает. Дино ты проинформируй. В случае чего – я до вечера никуда не выхожу. Ну, пока!

Пройдя квартал, Полунин увидел витрину большого писчебумажного магазина. За зеркальным стеклом поблескивали пишущие машинки всех систем и размеров, красовались разложенные радужным веером авторучки, громоздились альбомы, готовальни, почтовые наборы, логарифмические линейки. Как, говорила Дуняша, называется эта штука?.. Магазин был уже открыт. Поколебавшись, он толкнул вращающуюся дверь и вошел внутрь.

Немедленно к нему подлетела хорошенькая, профессионально улыбчивая продавщица.

– Кабальеро, доброе утро, – прошептала она, – я счастлива приветствовать нашего первого покупателя. Желаете что-нибудь выбрать?

– М-да, мне нужно... посоветоваться. Сеньорита, бывают такие книжечки, как их называют... Бальные карнэ?

– О, разумеется! – продавщица улыбнулась еще ослепительнее. – У нас есть большой выбор, это будет прекрасный подарок вашей невесте. Прошу вас, кабальеро!

Он совершенно растерялся, когда перед ним очутился на прилавке целый ворох этих «карнэ» – переплетенные в кожу, в парчу, в шелк, в чеканное серебро, в слоновую кость. Действительно, какой выбрать? Правильно истолковав его замешательство, продавщица пришла на помощь.

– Да, знаете ли, девушке не так просто угодить, – сказала она – Может быть, я могла бы помочь советом?

– Да, посоветуйте, пожалуйста... Мне нужно что-нибудь не очень дорогое, но хорошего вкуса, вы понимаете? Это для художницы, она разбирается в таких вещах...

– О-о! – с уважением сказала продавщица. – Художница, еще бы! Вы действительно задали мне задачу, кабальеро...

Она задумалась, приложив к губам наманикюренный пальчик, и потом решительно протянула из вороха темно-зеленую, узкого формата книжечку.

– По-моему, это то, что вам нужно. Обратите внимание: настоящий марокканский сафьян, а бумага японская, ручной выделки... И стоит всего восемнадцать песо.

Полунину понравилась и бумага и переплет, все кроме цены – восемнадцать уругвайских песо, почти двести аргентинских (он постоянно путался с этими пересчетами). Но что делать?

– Хорошо, я беру эту, – сказал он.

– Упаковать для подарка?

– Да, пожалуйста... впрочем, один момент...

Он раскрыл карнэ – продавщица деликатно отвернулась, убирая остальные, – и написал, на первой страничке: «Дуняше-ханум от тараканского идола – с любовью». Потом покупка была вложена в плоскую коробочку, перевязана цветным шнурком и запечатана золоченой облаткой с фирменным знаком.

Провожая его к выходу, продавщица лукаво улыбнулась:

– Если кабальеро понадобится заказать карточки с оповещением о свадьбе – милости прошу, эти заказы мы выполняем в течение суток, любым шрифтом и на любой бумаге...

– Спасибо, спасибо, непременно, – пробормотал он, выскакивая через вертящуюся дверь.

Последние слова продавщицы его расстроили гораздо больше, чем можно было ожидать. И чем следовало бы. Он зашел на почту, отправил подарок экспресс-бандеролью и, мрачный, поехал к себе в гостиницу – отсыпаться до вечера.

Лагартиха позвонил ему в восьмом часу.

– Дон Мигель? Это я...

– Да, я понял.

– Ну что ж, я говорил с доктором. Ваши планы на сегодня не изменились?

– Нет, нет. Встретимся там же, где и прошлый раз?

– Это не совсем удобно. За вами пришлют машину – в десять она будет у подъезда. «Понтиак» синего цвета, правое переднее крыло помято.

– Ясно. Вы будете тоже?

– К сожалению, не смогу, у меня срочные дела...

Полунин прошел в ванную и долго стоял под относительно холодным душем, пытаясь прогнать оставшуюся от дневного сна одурь. Потом не спеша побрился, надел свежую сорочку. Времени оставалось много, но надо было пойти поужинать, рассчитывать на стол доктора Морено не приходилось. Местные обычаи были ему достаточно знакомы: если тебя не приглашают специально к обеду (дома) или к ужину (как правило, в ресторане), то угощение обычно ограничивается выпивкой без всякой закуски или, в лучшем случае, с какими-нибудь сухими бисквитами.

Выйдя из гостиницы, он долго бродил без цели, разглядывая витрины; потом зашел в итальянский ресторанчик и поел жареной мелкой рыбы, запивая ее кислым кьянти. Когда он снова вышел на улицу, стал накрапывать редкий, вкрадчивый какой-то, нерешительный дождик. Посвежело, западный ветер доносил из порта запахи каменноугольного дыма, нефти, тухлой рыбы, гниющих водорослей, мокрых пеньковых канатов, и особый, неповторимый воздух Ла-Платы – запах огромных водных пространств, лишенный присущих океану ароматов йода и соли, – странная смесь свежести с какой-то болотной гнильцой. Интересно, какая погода сейчас там, в Буэнос-Айресе. Такая же, вероятно. Только там западный ветер пахнет пампой. Их пампой. Дуняша, вероятно, вернулась уже от Гутмана – сидит на тахте, поджавши ноги, обложившись книгами, или гнет свои проволочные модельки, или, то и дело задумываясь и грызя белый карандаш, вычерчивает какую-нибудь очередную фантазию. Задумываясь – о чем? Вспоминается ли ей отель дона Тибурсио, пыльная трава пампы, запах краски в их необжитом номере, скользкие от крахмала и шуршавшие, как бумага, простыни?

Когда Полунин вернулся к гостинице, синий «пontiак» с помятым крылом уже стоял у подъезда. Он открыл дверцу, сел, шофер молча запустил двигатель. Когда машина тронулась, Полунин закрыл глаза, чтобы не видеть раздражающего мелькания стекающих по капоту цветных рекламных огней.

Минут через сорок быстрой езды, уже где-то за городом, молчаливый шофер сбросил газ и осторожно свел «пontiак» с асфальта, делая правый поворот. Машину колыхнуло, под шинами захрустел гравий, фары осветили щит с надписью «Camino Privado»³¹, глухую аллею из эвкалиптов; потом впереди ослепительной белизной засияла низкая белая решетка.

---

³¹ Дорога, идущая через частное владение (исп.).

Полунин почувствовал тревогу. А точно ли это был голос Лагартихи? Вдруг ловушка – очень ведь просто, такие дебри – делай что хочешь, никто не услышит и не увидит... И водитель какой-то подозрительный, за все время слова не проронил, типичный матон³²...

Перед самыми воротами машина затормозила. Он настороженно покосился на «матона», готовый при первом подозрительном движении рвануть дверцу и выброситься наружу – благо кругом хоть глаз выколи. Но молчаливый водитель только протянул руку и коснулся какой-то кнопки на приборном щите, и сияющая белизной решетка плавно поехала в сторону, открывая проезд. Полунину стало и вовсе не по себе. Фокус-то, в общем, простенький, вроде детской радиоуправляемой модели – посылка сигнала, прием, усиление, подача команды на исполняющее устройство, – но уж очень все это похоже на шпионский фильм. Ночь, загородная вила, автоматически открывающиеся ворота... Он с сожалением подумал о своем «люгере, оставшемся в чемодане; хотя от оружия в таких случаях толку мало, это ведь только в тех же фильмах герой всегда успевает выхватить его в нужный момент...

Машина проехала, ворота за нею закрылись так же плавно и бесшумно. Почти одновременно из-за поворота, ранее скрытый густым декоративным кустарником, показался освещенный подъезд.

Дон Хосе Игнасио Морено встретил гостя в просторном пустом холле, отделанном под андалузский патио: грубый мозаичный пол, кованое кружево решеток, закрывающих сводчатые дверные проемы, в простенках – несколько высоких майоликовых сосудов, расписанных примитивным синим орнаментом. Хозяин был одет с тем пренебрежением к этикету, какое здесь позволяют себе только очень богатые люди: на нем были широкие, вроде запорожских, шаровары, заправленные в желтые сапоги в гармошку, и клетчатая рубаша того типа, что продаются для пеонов в любой деревенской лавке. Пожимая ему руку, Полунин попытался вспомнить, кого из знаменитых путешественников прошлого века напоминают ему эти густые моржовые усы...

В кабинете ярко пылал камин. Морено указал гостю на кресло, сам сел в другое, придвинул поближе низкий на колесиках столик, на котором поблескивали графины с разноцветным содержимым и лежала раскрытая коробка громадных кубинских сигар.

– Что вы предпочитаете? – спросил он. – Виски? Джин? Бренди? Лично я обычно ограничиваюсь вином. Советую попробовать этого чилийского – лучшего я не пил и во Франции...

Полунин подавил улыбку. Хорош он был бы, не поужинав в городе! Что ж, в чужой монастырь со своим уставом не лезут.

– Дон Мигель, – сказал доктор после того, как они отдали дань чилийскому вину, действительно превосходному. – Надеюсь, я не очень нарушил своим приглашением ваши планы, но мне хотелось бы кое-что выяснить, а в ближайшие дни я улетаю в Бразилию и, надо полагать, здесь вас уже не застаю...

– Да, мы и так задержались. Лагартиха сказал, что вас интересуют подробности моей встречи с Келли?

– Нет, меня интересует другое. Каковы цели вашей экспедиции?

Полунин посмотрел на него удивленно.

– Официально – изучение индейских племен, на самом деле – сбор материала о нацистских колониях. Я думал, Лагартиха сказал вам об этом.

– Да, сказал, но эта версия меня не убеждает.

– Почему?

– Ну хотя бы потому, что перед вами старый, прожженный адвокат, которого, скажем прямо, не так-то просто обвести вокруг пальца. Зачем вам понадобился контакт с Келли? Вы

³² Матон – наемный убийца (исп.).

что же, ожидали, что он выложит перед вами списки и адреса? Неубедительная версия, амиго. Очень неубедительная!

Полунин медленно допил вино. Такой оборот дела они предусмотрели, и линия поведения с Морено была разработана уже давно – еще до первой с ним встречи.

– Жаль, – сказал он, – нам она казалась вполне правдоподобной. Дело в том, что... вы совершенно правы. Наша истинная цель лежит еще глубже.

Морено подмигнул очень по-простецки:

– Э, сынок! Знали бы вы, какие дела приходилось мне распутывать, – он с довольным видом поднял палец. – Иной раз только на интуиции, на одной-единственной догадке!

– Так вот. Я вам расскажу, в чем дело...

Полунин нагнулся к огню, опираясь локтями на колени, и соединил концы расставленных пальцев.

– Мы не просто собираем материал об укрывающихся здесь нацистах, – сказал он негромко. – Мы ищем одного определенного нациста.

– Надеюсь, не Бормана?

– Нет, зачем же. Так высоко нам не достать. Человек, которого мы ищем, был мелкой сошкой... но из-за него погибли люди И даже не это главное. В конце концов, шла война, погибли многие... Но эти погибли не в бою – их предали, и предали так, что был заподозрен другой человек. Честный, ни в чем не повинный, активный участник Резистанса. Все улики были против него, он так и не смог тогда ничего доказать. В общем, он застрелился.

– М-да, – сказал Морено. – Одна из бесчисленных маленьких трагедий войны. Скажите... вы вот сейчас употребили слово «резистанс» – именно «резистанс», а не «ресистеисия». Хотя разговор идет по-кастильски. Насколько я понимаю, дело было во Франции?

– Да.

– А вы как там оказались?

– Бежал из плена.

– Понятно. И еще один вопрос. Значит, кто-то из участников подполья оказался предателем. Но ведь вы, если не ошибаюсь, ищите немца, а не француза?

– Этот немец проник к нам под видом перебежчика-антифашиста.

– Даже так? Это уже совсем гнусно. И этот тип, вы думаете, сейчас где-то здесь...

– По некоторым сведениям, здесь.

– Что ж, в этом случае Келли действительно может оказаться вам полезным. Да. Но с ним необходима осторожность, Гийермо человек недоверчивый...

– Судя по вашим с ним отношениям, этого не скажешь, – возразил Полунин. – Тут он скорее проявляет трудно объяснимую доверчивость.

– Почему же, она вполне объяснима. Когда-то я придерживался весьма правых взглядов, и это было как раз в тот период, когда мы близко общались семьями. Во время войны я многое начал видеть в ином свете, но тогда мы уже встречались редко, да и просто перестали как-то говорить на политические темы... Оба Келли – и отец и сын – так ненавидели англичан, что готовы были аплодировать каждой бомбе, упавшей на Лондон... Кстати, Патрисιο – это отец – участвовал в Дублинском восстании шестнадцатого года, бежал сюда из английской тюрьмы. Короче, мы поспорили раз-другой, поняли, что не переубедим друг друга, и стали избегать политических разговоров. Думаю, Гийермо и сейчас не догадывается, насколько изменились за это время мои взгляды. И потом тут другое: он – типичный фанатик, человек с догматическим складом мышления, склонный классифицировать людей по самой примитивной схеме. Для него всякий бедняк – непременно за коммунистов, всякий богатый – непременно против. Обратная ситуация просто не укладывается в его голове, поэтому он до сих пор продолжает видеть во мне априорного противника «красных». Ну и, естественно, доверяет...

– Ваша рекомендация, в таком случае, должна иметь вес?

– Да, но до известной степени! Он может верить лично мне и не очень доверять моим знакомым. Это уж как вам повезет. Во всяком случае, повторяю, будьте осторожны. Если Келли догадается, что вы ведете с ним двойную игру...

– Понимаю, доктор. Спасибо за предупреждение, но у нас уже есть некоторый опыт двойной игры... и с более опасным противником. «Альянса», в конце концов, только плохая копия гестапо.

– Верно, но и они кое-чему успели научиться. Ну что ж... я вам от души желаю успеха. В наших краях действительно развелось слишком уж много этих сукиных сынов, и чем скорее их повыловят, тем лучше. Даже если будут ловить вот так, по одному. Кропотливая, впрочем, работа...

Морено тяжело поднялся из кресла и, по-стариковски шаркая сапогами, отошел в дальний угол, к письменному столу Полуниин посмотрел на часы – было уже поздно – и обвел взглядом кабинет. Здесь, как и в холле, все свидетельствовало о тщательной продуманности стиля: темный резной дуб, кованые железные канделябры, несколько старинных деревянных скульптур в искусно подсвеченных нишах между открытыми книжными полками, занимающими до потолка три стены. Четвертую, в которой была прорезана дверь, украшала коллекция холодного оружия – скрещенные алебарды, кастильская шпага времен конкисты, огромный двуручный меч-фламберга с извилистым клинком; такие же, вспомнилось Полуниину, видел он когда-то в Эрмитаже, в любимом своем «рыцарском зале»...

Дон Хосе Игнасио вернулся, протягивая ему узкий голубоватый листок:

– Освальдо говорил, у вас затруднения с деньгами. Возьмите, это на организационные и текущие расходы...

Полуниин нерешительно взял жестко похрустывающую бумажку, увидел четко выписанные цифры – десять тысяч песо уругвайских, надо полагать? Но тогда это огромная сумма, больше ста тысяч аргентинских...

– Спасибо, доктор, – пробормотал он в замешательстве. – Деньги нам, конечно, пригодятся, но...

– Никаких «но», – отмахнулся Морено. – Депонируйте чек завтра же... только постарайтесь не потерять, он выписан на предъявителя. Счет советую открыть, ну, скажем, хотя бы в «Фёрст Нэйшнл» – этот банк имеет отделения и в Буэнос-Айресе, и в Асунсьоне. Где бы вы ни очутились, деньги всегда под рукой» А деньги вам понадобятся. И сколько! Вы не представляете, какое в Парагвае взяточничество, тамошние чиновники – это просто акулы какие-то, амиго, просто акулы... Как у вас с транспортом?

– Да никак...

– Ну, видите. Не пешком же будете бродить по сельве! Вам нужно взять напрокат хороший вездеход, лучше закрытый «лендровер», или хотя бы простой джип с тентом, но без двух ведущих мостов и не думайте трогаться в путь. Я-то знаю, что такое парагвайские дороги!

– Вы ведете там какие-нибудь дела? – спросил Полуниин.

– Сейчас – нет! У меня были интересы в Парагвае... и довольно значительные... Но я все ликвидировал, как только там к власти пришла эта нацистская вонючка герр Стресснер.

– Он что, не поощряет иностранные инвестиции?

– Я бы не сказал. Скорее напротив, он в них заинтересован... Как и Перон, кстати, который на словах ратует за экономическую автаркию, а на деле распродает страну оптом и в розницу. Нет, парагвайские свои дела я ликвидировал сам, просто из принципа. Конечно, деньги не пахнут, первым это заметил еще Веспасиан Флавий... когда обложил налогом общественные нужники. Но, понимаете, есть все же какие-то границы! Словом, деловых связей с Парагваем у меня не осталось, и в этом смысле я вам ничем не могу быть полезным. Но вот такую помощь, – он указал на чек, который Полуниин продолжал держать в руке, словно не зная, что с ним делать, – такую помощь я вам оказать могу. Деньги, слава богу, для меня пока не проблема.

Морено налил еще вина Полунину и себе, наклонился к камину и кочергой разворошил догорающие поленья.

– У вас есть ко мне какие-нибудь вопросы? – спросил он, не оборачиваясь.

Полунин отпил из своего стакана, подумал.

– Есть, – решил он наконец. – Один вопрос у меня давно вертится на языке, но я, пожалуй, не задал бы его, если бы не... этот ваш чек.

– То есть?

– Ну, если уж мы принимаем от вас такую... существенную помощь, то... хотелось бы яснее представить себе ваши мотивы.

– А-а, понимаю. Вас удивляет моя позиция?

– Не то что удивляет, нет... Мы ведь уже кое-что о вас знали, еще до личного знакомства. Иначе оно, пожалуй, просто не состоялось бы. Маду, например, слышал от одного журналиста о вашей деятельности в начале войны, когда здесь была разоблачена немецкая пятая колонна...

Морено погладил усы с явно польщенным видом.

– Недаром я боюсь газетчиков, – сказал он. – Все вынюхивают и ничего не забывают! И ведь самое забавное, дон Мигель, что я всячески старался быть в тени... Вы имеете в виду «Комитет Брена», в сороковом? Да, я его поддерживал, верно. Между нами говоря, – он подмигнул, – никакой особо серьезной пятой колонны тут не было, это уж мы немного нагнали страху... Благо подвернулся отличный случай: у одного немца из местных нашли при обыске детальный план оккупации Уругвая...

– Оккупации Уругвая? – переспросил Полунин.

– Ни больше ни меньше, амиго! И даже с подробной дислокацией потребных для этого частей: один полк СС – сюда, два батальона – туда... Болван явно развлекался на досуге, но использовать его опус мы не преминули. Важно было настроить общественное мнение, понимаете?

– Что ж, это была полезная работа. Поэтому-то мы к вам и обратились, доктор. Как к антифашисту. Но все-таки, я хочу сказать, ваша позиция в этом вопросе... для меня не совсем объяснима. Другое дело, будь вы коммунистом...

Морено поднял палец предостерегающим жестом:

– Нет, нет, я вовсе не коммунист!

– Знаю, Лагартиха считает вас скорее правым.

– Тоже не совсем точно! Правые, со своей стороны, считают меня левым. Разумеется, вся эта спектрография условна... – Доктор жадно допил свой стакан, словно у него пересохло в горле, и разгладил усы. – А что касается наших вшивых наци, то отношение к ним определяется у каждого нормального человека отнюдь не его политической ориентацией – налево или направо, – а просто чувством элементарной чистоплотности. Вы не согласны?

– Вероятно, это должно быть так. Но, мне кажется, нельзя забывать и – как это говорится? – историю вопроса. Нацизм все-таки был порождением правого лагеря. И не случайно именно правые политические круги здесь, в Америке, продолжают если не оправдывать практику нацизма, то, во всяком случае, во многом разделять нацистскую систему идей.

– Да, если вы говорите о наших ультра. Но о них говорить не стоит, кретины есть в любом лагере. Думаете, в левом их меньше? Как бы не так. А, повторяю, нормальный человек, какими бы ни были его политические взгляды, сторонится нацизма так же инстинктивно, как вы постараетесь обойти стороной лежащую на дороге кучу дерьма. Нацизм, амиго, это то же дерьмо, экскремент новейшей политической истории... Конечно, извергнул его именно наш лагерь, вы правы, но тут сказала политическая недалёковидность, продиктованная страхом. Что, вы думаете, побудило Круппа и Тиссена финансировать нацистскую партию? Только страх перед коммунистами. А страх, как известно, плохой советчик.

– У вас, доктор, Нет страха перед коммунистами? – поинтересовался Полунин.

– У меня? Нет! Если хотите знать мое мнение, я считаю присутствие коммунизма в мире скорее положительным фактором. Коммунизма как оппозиции – и в масштабе одной стороны, и в глобальном масштабе. Понимаете, если бы завтра в Уругвае возникла угроза захвата власти коммунистами, я боролся бы против них всеми законными способами. Но пока коммунисты действуют в качестве оппозиционной партии, я приветствую их деятельность. То же относится и к миру в целом: мир, управляемый коммунистами, для меня, вероятно, был бы неприемлем; но мир, уравновешенный двумя системами, – это лучшее, что можно придумать. Вам понятна моя мысль?

– Не совсем, – признался Полуниин.

– Хорошо, постараюсь ее развить. Я капиталист. Довольно крупный капиталист, если говорить откровенно. Как таковой, я, естественно, заинтересован в жизнеспособности капиталистической системы общества, в ее внутренней стабильности. Попросту говоря, я не хочу жить на вулкане. Логично?

– Логично.

– Теперь слушайте дальше. Люди моего поколения – а мне шестьдесят три года, сеньор, я начал заниматься делами в пятнадцатом году, ровно сорок лет назад, – так вот, люди моего поколения обычно вспоминают времена нашей молодости как золотой век капитализма: любой предприниматель чувствовал себя таким феодальным бароном. Но это было благоденствием на вулкане – внизу накапливался огромный заряд недовольства тех, кто был лишен элементарных человеческих прав. И знаете, почему этот вулкан не взорвался? Потому что в семнадцатом году в мире возник новый фактор...

Морено налил себе еще вина, жестом пригласив Полунина следовать его примеру, и спросил:

– Я не утомляю вас своей болтовней? Мы, южноамериканцы, вообще любим поговорить, а у меня вдобавок это еще и профессиональное – как у адвоката – и возрастное. Старики спешат наговориться перед очень долгим молчанием.

– Я слушаю вас с большим интересом, – заверил Полуниин.

– Но вы пейте, пейте, у нас не принято беседовать всухомятку. Так о чем я? А, да! Так вот – семнадцатый год. Точнее, не совсем семнадцатый, чуть позже, – дело в том, что вначале никто не поверил в успех Ленина. Ну, думали, случайность... А вот уже в двадцатом, в двадцать первом, когда большевики сумели не только свалить империю, но и выиграть гражданскую войну, – вот тут мы призадумались! Вот тут мы поняли, чем это грозит всем нам. Конечно, реакция была двоякой. Дураки, испугавшись, решили противопоставить угрозе силу и сделали ставку на фашизм Муссолини, на национал-социализм Гитлера. Другие, кто поумнее, поняли, что нужно срочно перестраиваться, что куда выгоднее добровольно отказаться от части, нежели потерять все. Первым предупреждением была ваша революция, вторым – Великий кризис двадцать девятого года, а третьего уже не понадобилось: капитализм начал поворачивать на новый курс.

– Вы имеете в виду «Новый курс» Рузвельта?

– Нет, я беру шире! Я имею в виду общий процесс омолаживания капитализма, но, пожалуй, начался он именно с «Нового курса» Рузвельта – каких-нибудь двадцать лет, и каковы результаты! Минутку, я продвину, что вы хотите сказать, но позвольте кончить. Я далек от мысли, что мы живем в «обществе всеобщего благоденствия» или что у нас нет больше никаких проблем. Проблем более чем достаточно, и благоденствие весьма относительно, но мы сумели преодолеть главную опасность: нам больше не грозит мировая революция. Как бы вы ни относились к сегодняшнему капитализму, вы не можете не признать, что он уже не то, чем был капитализм девятнадцатого века – одряхлевший, пресыщенный золотом и кровью, безрассудно упивающийся своей мнимой мощью. Мы стали умнее, осторожнее, мы обрели второе дыхание. Ценою многих уступок – да, несомненно! Моего отца – да покоится его душа в мире, – веро-

ятно, хватил бы удар, если бы ему предложили сесть за один стол с профсоюзными делегатами. Или если бы от него потребовали отчислять определенный процент прибыли в фонд социальных мероприятий. А я строю для своих рабочих жилища, оплачиваю им медицинскую помощь, я регулярно встречаюсь с их делегатами, и мы торгуемся из-за каждого песо прибавки, которую они от меня требуют. Торгуемся, черт возьми, как равные: они отстаивают свои интересы, я – свои. И в конце концов приходим к какому-то приемлемому для обеих сторон решению. Поверьте, меня это нисколько не унижает! В этом году у меня в течение месяца бастовало шесть тысяч человек, я понес большие убытки, очень большие, и вынужден был уступить. Мой отец считал, что с «бунтовщиками» можно говорить только на языке полицейских винтовок, – что же, это значит, что он был сильнее? Напротив, это лишь свидетельствовало о его слабости, о его неумении решать проблемы, которые для меня вообще не являются проблемами. Именно в этом, если хотите, основная разница между капитализмом вчерашним и капитализмом сегодняшним. К чему я все это начал говорить... А! Вы спросили о моем отношении к коммунизму. Так вот, я считаю, что именно появление на мировой арене коммунизма – как противодействующей силы – создало те условия, в которых капитализм неизбежно должен был измениться к лучшему. А всякое изменение к лучшему – укрепляет. Э? Согласны?

– Не знаю, – помолчав, ответил Полунин. – Во многом вы, несомненно, правы, – капитализм действительно приспособливается. Становится ли он лучше... Тут у нас, боюсь, разные углы зрения: вы смотрите сверху, я – снизу, и мы, естественно, видим разные вещи...

– Но позвольте, амиго! Давайте уж уточним, что именно видите вы. Случалось вам видеть детей у ткацких станков, как в Англии сто лет назад? А чтобы полиция открывала огонь по пикетам забастовщиков, охраняющим фабрику от штрейкбрехеров, вы видели? Думаю, что нет! А я видел, и не сто лет назад, я еще не так стар, а всего тридцать. В двадцать пятом году!

– Однако активистов рабочего движения продолжают убивать и в пятьдесят пятом, – возразил Полунин. – Сеньор Келли мог бы вам кое-что рассказать по этому поводу.

– Нынешнее положение в Аргентине нельзя считать нормальным!

– Вы можете поручиться, что такое положение не сложится завтра в Уругвае, если здесь придет к власти другое правительство?

– Нет, не поручусь! В Южной Америке, амиго, ручаться нельзя ни за что, – Морено, улыбаясь, покачал головой. – Но о сегодняшнем капитализме не стоит судить по тем формам, которые он подчас принимает в этих странах – отсталых индустриально и крайне нестабильных политически. В этом смысле более типичны те отношения между рабочими и предпринимателями, которые мы видим в большинстве стран Западной Европы – в Англии, во Франции, в Швеции. Насколько мне известно, там профсоюзные активисты ничем особенно не рискуют, а рабочие устраивают забастовки без всяких помех. Чаще всего, кстати, они добиваются своего.

– Да, обычно добиваются, – согласился Полунин. – И это, пожалуй, подсказывает мне главный аргумент против вашей теории «омоложенного капитализма».

– Любопытно, – сказал Морено. – Наливайте себе вина.

– Спасибо... Дело вот в чем: нынешний капитализм, как вы сами признаете, удерживается на плаву только ценой постоянных уступок. Вы в этом видите признак силы, – согласен, это свидетельствует об известной... ну, ловкости, назовем это так.

– А точнее – жизнеспособности, – подсказал Морено.

– Не уверен. Ну хорошо, поставим вопрос иначе: вы считаете, что все эти уступки – только на время?

– В каком смысле?

– Да вот взять хотя бы то же право на забастовку. Когда-то рабочие этого права не имели, теперь они его получили. Допускаете ли вы – в принципе – возможность того, что оно когда-нибудь будет аннулировано?

– Разумеется, нет. Правда, – Морено поднял палец, – то или иное правительство может в чрезвычайных случаях ограничить право на забастовку особым законодательством. Сравнительно недавний прецедент – закон Тафта-Хартли в Штатах.

– Однако заводы «Вестингауза» бастуют уже который месяц?

– Да, и больше пятидесяти тысяч человек. Я понимаю вашу мысль, Мигель, вы хотите сказать, что...

– Позвольте, я сформулирую сам. Мне кажется, что все это признаки не «второй молодости» капитализма, а, напротив, его упадка. Конечно, иногда уступки и в самом деле не ослабляют, – но это в том случае, если рассчитываешь рано или поздно вернуть все потерянное. Но когда сдаешь позицию за позицией, прекрасно зная, что никогда больше сюда не вернешься, – это уже не тактический маневр, это бегство, отступление... причем отступление стратегическое. Пожалуй, именно таким отступлением и представляется мне «новый курс капитализма». Нет, в самом деле, доктор, вы не задумывались, как далеко он продлится и куда в конечном итоге приведет?

Морено засмеялся и, взяв кочергу, снова наклонился к камину. Перегоревшее полено упало с решетки, взметнув рой золотых искр в черное жерло дымохода, и рассыпалось на быстро тускнеющие угли. Дон Хосе кочергой подгреб их под решетку и задумчиво сказал, глядя в огонь:

– Футурология, дон Мигель, не мой конек... А вообще-то, конечно, я об этом думал. Готов признать, что мы и в самом деле сдаем позиции. Мои наследники, возможно, утратят даже ту ограниченную независимость в делах, которой я пока пользуюсь, – государство будет осуществлять еще более жесткий контроль над действиями предпринимателей, будет забирать себе еще большую часть их прибылей и так далее. Я даже допускаю, что рано или поздно оно вообще приберет к рукам все мои предприятия. Ну что ж, если таков общий ход событий... и если это будет делаться постепенно, в каких-то законных формах... ничего не имею против! В конце концов, Франция уже национализировала более двадцати процентов своей промышленности, – мир от этого не перевернулся...

– Он не перевернулся и после того, как у нас национализировали все сто, – с улыбкой вставил Полунин.

– Ну это для кого как, – хмыкнул Морено. – Видел я в свое время в Париже ваших эмигрантов... жалкое зрелище. Вот чего я не хочу своим детям, понимаете? Чтобы их не выкинули завтра хорошим пинком в зад, пусть уж лучше я буду ладить со своими рабочими сегодня. И если когда-нибудь депутаты этих рабочих сумеют провести в парламенте закон о всеобщей национализации – пожалуйста! Я, скорее всего, буду голосовать против, но если пройдет их предложение – пожалуйста! По закону – не имею ничего против!

– В общем, – продолжая улыбаться, сказал Полунин, – вы не реакционер, необходимость переустройства мира вы признаете, но предпочитаете, чтобы это делалось эволюционным путем.

– Да, да! Именно так, – с энтузиазмом подтвердил Морено. – И знаете почему? Будущее, как я вам уже сказал, меня не интересует, а вот прошлое – очень. Да, сеньор! Когда есть время, я читаю исторические труды. Почти все, что вы здесь видите, – он повернулся в кресле и обвел жестом книжные полки, – это история. И не только ибероамериканская, – вообще история человечества. Особенно, конечно, Европы... со всеми ее курбетами. Поэтому кое-что мне известно...

Глава пятая

– Французы? Scheise³³. Все до единого. Воевать не воевали, – Гудериан прошел сквозь Францию, как топор сквозь масло, – зато потом начали свинячить. Исподтишка, по-бандитски, как и положено неполноценной расе.

– Удивительно, что в первую мировую войну они еще как-то дрались...

– Что? В первую? Не говори глупостей, Карльхен!

– Виноват, герр оберст. Мне казалось...

– Тебе казалось, тебе казалось! Что ты знаешь о первой войне? Столько же, сколько и об этой...

– В этой я воевал, герр оберст, – обидчиво возразил Карльхен.

– Воевал! Ха! Три дня, если не ошибаюсь? Один выстрел из панцерфауста – и то промах. Промазать по «шерману» с дистанции в десять метров! Позор! И так, по поводу французов. В первую войну они дрались только потому, что не оставалось ничего другого. В Вердене боялись высунуть нос из-под земли; будь Дуомон и другие форты связаны с тылом подземными коммуникациями – не осталось бы ни одного солдата. На Марне Клемансо ставил сзади заградительные отряды из сенегальцев. Ясно? А эта война с самого начала приняла маневренный характер – они и побежали. Нет, французы – дерьмо. И женщины не лучше. Шлюхи все до единой. Но какие!

Сеньор Энрике Нобле, он же Гейнрих Кнобльмайер, бывший полковник вермахта, а ныне владелец автозаправочной станции, задумчиво покачал головой, предаваясь воспоминаниям – трудно сказать, горестным или приятным.

– А другой, говоришь, итальянец? – спросил он после паузы. – Ничего себе – итальянец, русский, француз. Невообразимо мерзкая компания! Итальянцы еще хуже французов – предатели по натуре. Это у них в крови. Роковая ошибка фюрера – поверил толстому борову Музолини. Где только не предавали нас эти пожиратели макарон! Северная Африка! Эритрея! Шталинград! Сицилия! Неаполь! Нет, нет, об итальянцах не хочу и думать – повышается давление. Русские, представь себе, дело другое. Русские для нас – враг номер один, это верно; но – заметь, Карльхен, – это враг, которого можно уважать, ибо он умеет драться. О! Что верно, то верно – всыпали нам так, как еще никто и никогда. Тебе повезло, что ты свои три дня фронтовой жизни провел под Аахеном, а не на Одере. Там бы тебя, мой милый, не хватило и на три минуты! Я скажу одно: никто из тех, кто провел всю войну на Западном фронте, не знает, что такое вторая мировая война.

– А таких, наверное, и не было, – заметил Карльхен, расставляя по полкам желтые банки моторного масла. – Командование их все время перебрасывало туда-сюда.

– Некоторым удалось отсидеться! Исключительные случаи, конечно. Я тебе говорю, только мы, солдаты Восточного фронта, видели истинный лик Беллоны. Поэтому к русским у меня отношение особое. Разумеется – как к врагам, это не требует уточнений! Впрочем, этот русский, может быть, и не враг. Ты говоришь, живет в Аргентине? Возможно, из тех, кто воевал на нашей стороне. Или из белогвардейцев. Да, Карльхен, русских мы недооценили... как противников, я хочу сказать. Тоже фатальная ошибка фюрера.

– Вас послушать, так фюрер только и делал что ошибался.

– Фюрер был человек, Карльхен, не больше. Нельзя было так слепо ему доверять: простой ефрейтор, никакого представления о стратегии, – возмутительно...

Тяжелый грузовик с двумя прицепами свернул с шоссе, направляясь к станции. Герр оберст оживился: наконец-то хоть один клиент за все утро.

³³ Дерьмо (нем.).

– Если в баках у него пусто, такой возьмет не меньше трехсот литров, – сказал он, подойдя к окну и наблюдая, как автопоезд вырывается к заправочным колонкам. – Ты ему намекни, Карльхен, что дизельного топлива он дальше не найдет до самого Каакупе. И обрати внимание – правая верхняя мигалка у него не горит. Скажи, что у нас гарантированные лампочки фирмы «Бош»!

К сожалению, клиент оказался не из выгодных – газойля взял всего девяносто литров, от предложения заменить лампочку в верхней мигалке отказался, заявив, что нижняя, мол, мигает, и ладно. Зато проклятый индеец-унтерменш не упустил случая попользоваться всем тем, что входило в даровой сервис: долил воды в радиатор, под самую пробку заполнил запасные водяные баки, подкачал воздух в нескольких скатах; компрессор работал не меньше десяти минут – опять же прямой убыток.

– Мерзость, – энергично сказал герр оберст. – Чернозадые должны жить в резервациях! Немедленно свяжись с ближайшим постом жандармерии, скажи, что у сукиного сына не работает верхний сигнал правого поворота, пусть ему воткнут хороший штраф...

Несколько минут он сидел молча, барабанив пальцами по столу нечто вроде Баденвейлеровского марша и уныло глядя в окно, из которого открывался тот же осточертевший вид: заправочные колонки – желтая «Шелл», зеленая «Тексако», голубая «ИПФ», пустынное шоссе, гнусная тропическая зелень. По шоссе на ржавом велосипеде с вихляющимся передним колесом медленно ехала толстая индианка с сигарой во рту и огромным тюком поклажи на голове. Герр оберст зажмурился от глубочайшего отвращения.

– Непонятно, – сказал он Карльхену. – Какого черта притащилась сюда эта так называемая «экспедиция»? И, главное, что делает немка в столь омерзительной компании? Ты уверен, что это действительно немка?

– Разумеется, герр оберст, я ведь с ней разговаривал.

– И что выяснил?

– Они тут что-то изучают. Народные обычаи, что ли, я не очень хорошо понял. А девушка – настоящая немка, герр оберст.

Плохо скрытое воодушевление, прозвучавшее в последней фразе Карльхена, заставило Кнобльмайера поинтересоваться:

– Хороша собой?

– По-моему, да, герр оберст. Впрочем, после местных любая европейская женщина кажется нам красавицей, – рассудительно добавил молодой немец.

– Ты прав! И заметь странную вещь: немка, которая родилась здесь, не идет ни в какое сравнение с уроженкой фатерланда. Во время войны я не понимал этого деления – «народные немцы», «имперские немцы», – какая разница, если те и другие принадлежат к одной расе? Разумеется, я имел в виду чистое потомство, не тех, кто смешал свою кровь с туземцами. Теперь вижу – ошибался. Возьми здешних немков, хотя бы в Колонии Гарай, – все они неполноценные, даже самые молоденькие. А ведь от хороших родителей! Помню, у нас дома девушка в шестнадцать-семнадцать лет – кровь с молоком, кругленькая вся, здоровая – не ущипнешь... А эти какие-то худосочные. Климат, надо полагать, или здешние продукты. Так эта, говоришь, хороша? Да, давно я не видел настоящей германской девушки – с хорошим цветом лица, с косами...

– У этой, герр оберст, кос тоже нету. Прическа у нее короткая совсем, и еще очки.

Кнобльмайер разочарованно фыркнул:

– Ну какая же это немка – без кос! Проклятые янки со своими модами добрались, видно, и до нашей молодежи, Граубе в прошлом году летал в Федеративную Республику – не узнать, говорит, старой доброй Германии, всюду кока-кола, гангстерские фильмы, молодежь одета, как цирковые обезьяны... Проклятое время! Ничего, человечество еще поймет, что оно поте-

ряло, позволив жидам и большевикам раздавить нас, последний оплот европейской культуры... Карльхен, внимание, новый «бьюик», этот будет заправляться суперэкстрой...

Низкая открытая машина величественно развернулась и замерла у колонки, качнувшись на рессорах. Карльхен кинулся к двери, надевая полосатое кепи с эмблемой «Эссо».

– Прислушай мотор! – крикнул ему вслед Кнобльмайер. – Скажи, свечи ни к черту, нужно сменить как минимум половину!

Карльхен вставил конец шланга в горловину бака и, пока урчащая помпа перекачивала высокооктановый бензин в ненасытную утробу трехсотсильного конвертибля, успел протереть замшей ветровое стекло и проверить давление во всех шинах, включая и запасную. Хозяин «бьюика» свечи менять не захотел, сказав, что нет времени, но согласился взять про запас и купил всю коробку – комплект восемь штук, самой дорогой марки «Чемпион».

– Вот это клиент! – удовлетворенно сказал герр оберст, убирая выручку в кассу. – Надо полагать, из Азунциона. Машина стоит не меньше четырехсот тысяч.

– Если не больше, по новому курсу. Доллар дошел уже до семидесяти гуарани³⁴. А девочка с ним была ничего, правда, герр оберст? Ничего, хотя и метиска.

– От метисок меня уже с души воротит. Видеть не могу. Мерзость! Нужно будет, чтобы ты познакомил меня с этой немкой из экспедиции. Она молодая?

– Лет двадцать, я думаю...

– Да, мне уже не по зубам. Впрочем, не имел в виду ничего серьезного – просто поболтать с соотечественницей. Давно она из Германии?

– Сразу после войны. Жила где-то не то в Голландии, не то в Бельгии, я не разобрал. Герр оберст, я, пожалуй, прокачаю тормоза в вашей машине – педаль начинает пружинить, мне это не нравится.

– Согласен, можешь выполнять!

Карл вышел и начал звать запропастившегося куда-то мальчишку-помощника. Герр Кнобльмайер, поигрывая сцепленными за спиной пальцами и выставив круглый живот, прошелся по комнатке, постоял перед рекламными плакатами, вдумчиво сравнивая двух голых красоток, блондинку и брюнетку, потом строго оглядел полку с расставленными Карльхеном банками. Вид строя ему чрезвычайно не понравился. Из парня никогда не будет толку – не умеет сделать даже такой простой вещи. Ведь сколько раз объяснял: банки должны стоять совершенно ровной шеренгой – *ganz genau*³⁵

---

³⁴ В данном случае – денежная единица в Парагвае.

³⁵ Совершенно точно (нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.